

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 114 (3615) Вторник, 25 сентября 1956 г. Цена 40 коп.

ГОРОДАМ И СЕЛАМ — ЗЕЛЕНый НАРЯД!

Посадить дерево — труд небольшой. Однако это не-большое усилие — хороший, благодарный поступок. А. М. Горький однажды писал своему сыну Максиму: «Ты уехал, а цветы, посаженные тобой, остались и рас-тут. Я смотрю на них, и мне приятно думать, что мой сын-ишка оставил после себя на Капри нечто хорошее — цветы».

Вот если бы ты всегда и везде, всю свою жизнь оставал для людей только хорошее — цветы, мысли, славные воспоминания о тебе, — легка и приятна была бы твоя жизнь.

Тогда ты чувствовал бы себя всем людям нужным и это чувство сделало бы тебя богатым душой. Знай, что всегда приятнее отдать, чем взять».

Сажать деревья, цветы стали многие пионеры и школь-ники нашей страны. Воспитанники детского дома в селе Белая Глина сажают деревья в день своего рождения. Це-лый сквер из таких деревьев-памяток возник вокруг их усадьбы. Во многих школах Тамбовской области стало традицией: каждый перво-классник сажает дерево и ухаживает за ним до аттестата зрелости. В Армави-ре дети шефствуют над зелеными на-саждениями улиц, сами сажают деревья. Так многие улицы городов, по которым когда-то ветер гнал тучи пыли, превра-тились в скверы. В Московской области у детей своя традиция: вступил в пио-неры — посади дерево.

Советская молодежь принимает актив-ное участие в насаждении государственных и колхозных лесных полос. Кто не помнит «трассу юности» Камышин—Ста-линград, названную так потому, что ты-сячи юношей и девушек волжских горо-дов и сел самоотверженно трудились в попустельной степи. Там, где не росла даже полынь, зашумел лес. Сорос милли-онов деревьев и кустарников были высажены руками молодежи. И не только высажены, но и заботливо выращены.

Лесная полоса Камышин—Сталинград на днях принята государственной ком-миссией. Посадки здесь закончены на девять лет раньше срока.

Советские люди хотят видеть улицы наших городов, поселков и сел в зелени садов, парков, тенистых аллей.

На днях Центральный Комитет Ленин-ского комсомола обратился к совет-ской молодежи и детям с призывом: — Создадим в каждом городе, рабо-чем поселке комсомольские парки и са-ды, оденем в зелень улицы и площади, приведем в порядок, сделаем уютными и красивыми аллеи, бульвары, парки са-дами возле домов. Сделаем каждый двор уютным, чистым, оборудуем доро-жки спортивными площадками, украсим клумбами. Разведем голубей на площа-дах и бульварах, лебедей и уток на прудах, белок в парке!

Нынешней осенью и будущей весной молодежь обязуется высадить своими руками сто тысяч гектаров садов, ягод-ников и виноградников. К сроку октяб-ря великого Октября намечается озеленить трассу Москва—Симферополь ореховы-ми и плодовыми деревьями.

ЦК ВЛКСМ обратился к молодым но-вооселам целинных земель с таким при-зывом: — Вы покорили ковыльные степи, по-строили новые поселки и МТС. Теперь мы призываем вас сделать свой край, край победившей молодости, краем зеленых поселков и чудесных садов!

Наступило время осенних работ в пар-ках и садах. Молодежь принимается за дело. В эти дни одна из комит в ЦК комсомола превратилась в боевой штаб руководящих работами по озеленению: радуются звонки междугородного те-лефона, летят сюда телеграммы, пись-ма, а из Москвы представители ЦК едут на места.

В Сталинграде созывается совещание молодых садоводов и лесоводов де-вяти областей юго-восточной части СССР.

Между молодежью Крымской, Запорожской и Росто-вской областей началось соревнование: кто больше посадит зеленых насаждений, садов и виноградников?

У новоселов Казахстана не хватает посадочного матери-ала для озеленения поселков, для разведения пруссадебных садов. Семьи спрашивают: «Где взять их?»

— В беде не оставим! — отвечают им.

Весной уже была оказана помощь новоселам сажени-ми. Сейчас еще выделяются молодые деревья из питом-ника Сибири, Алма-Атинской и Тамбовской областей. Важ-но своевременно доставить их на место и не перепутать; то, что выделено алма-атинцы и тамбовцы, пригодно толь-ко для южной части Казахстана, для северной же части республики нужен зимостойкий материал, выращенный си-биряками.

Советская молодежь, пионеры и школьники начали но-вое благородное дело.

П. МАКРУШЕНКО

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

НА БЕРЕГУ ДНЕСТРА

Анна ЛУПАН

Тот, кто хоть раз побывал в селе Рудь, навсегда останется очарованным красотой этих мест и зеленью садов, в которых село утопает. Почти каждый дом скрывается от взора прохожего в гуще орешника, аб-лони и груш. Издавна кажется, что это не село, а небольшой лесок, выросший на правом берегу Днестра среди полей куку-рузы и подсолнуха.

Тропинка, по которой я шла, вдруг раз-делилась на две, и я, не зная, какая из них ведет к селу, выбрала самую проторе-нную. Неожиданно я очутилась на высокой и зеленой кукурузной ниве, которая под-нималась с одной и другой стороны тропинки, затеняя ее настолько, что мне по-казалось, будто продвигаюсь сквозь тун-нель. Попыталась угадать, в какой сторо-не может находиться село, но это оказалось невозможным: кукуруза была гораздо вы-ше меня и заслоняла вокруг все, кроме не-большого клочка неба, видневшегося над головой.

Б моему несчастью, начался дождь, и я с досадой подумала, что выбрала неверное направление и мне лучше повернуть обратно. Но вот до меня вдруг доносился голос, раздававшийся откуда-то поближе. Воспрянув духом, я двинулась дальше и вскоре наткнулась на свежесозрелую кукурузу, горками лежавшую на земле. Дождь усилился, хотелось увидеть кого-ни-будь, кто мог бы объяснить дорогу. Из этого затруднительного положения меня вывел возглас: «Идите сюда!». И тут же из-за кукурузы показалась смугленькая девочка-подросток.

— Что же вы можете? Идите в укры-тые! — повелительно сказала она и, взяв меня за руку, потащила за собой в брезен-товый шалаш, до которого от того места, где я стояла, было рукой подать. Прижа-вились друг к другу, в шалаше сидело не-сколько девушек; с ними были старики с боро-дой седой и длинной, как у пророка. Это дед Илья Попазу — агротехник колхоза имени Ворошилова, мой старый знакомый. Человек исключительно добро-совестный и необычайно трудолюбивый, он в семьдесят пять лет, словно юноша, колесит по полям.

— И здесь вы наткнулись на меня, — пошутил он, делая девушкам знак, чтобы они потеснились, уделив местечко и мне.

— Случайно попала к вам, дед Илье, — ответила я ему, обрадовавшись, что встре-тила знакомого.

— Что ж поделаешь, хорошо, что и так. Попала, как говорится, в самое время. Вот, если угодно, Агафья Кужба. — Он указал рукой на девушку, которая привела меня сюда. Она смущенно улыбнулась и пошла к выходу, чтобы отжать мокрую юбку. Я во все глаза глядела на нее. Значит, вот она какая — живая, энергичная и в то же время робкая, с лука-выми глазами, чер-ными, как смола.

Много раз при-шло слышать об Ага-фье. Известной она стала потому, что вместе со своим зве-ном в прошлом году собрала по сорос центнеров кукурузы с гектара. И в этом

Кинофестиваль в Италии

Через полтора месяца в Италии начнется фести-валь советских кинофильмов. С 7 по 14 ноября итальянцы ознакомятся с двадцатью тремя произве-дениями советской кинематографии.

Впервые в зарубежных кинотеатрах будет демон-стрироваться наш цветной широкоэкранный худо-жественный фильм «Илья Муромец», а также кино-картины «Сорок первый», «Верные друзья», «Отелло», «Укротительница тигров», «Урок жизни», «Вольни-ца», «Разные судьбы».

На фестивале будут показаны и кинофильмы «Броненосец «Потемкин», «Чапаев», «Депутат Балти-ки», «Юность Максима».

В числе фильмов, которые пойдут в дни фестиваля в Италии, — две дипломные работы студентов Все-союзного института кинематографии: «Федоскинские лаки» и «Город дворцов», а также цветные мульти-пликационные и научно-популярные фильмы: «Сне-говик-почтовик», «Гадкий утенок», «Первая в мире», «Скульптор Косенков» и другие.

...Вклад в дело дружбы

Говорит Варшава..

К телефону подошел ди-ректор государственного из-дательства «Искры» Игна-ци Шенфельд.

— Какие советские книги были выпущены вашим из-дательством за истекшие месяцы 1956 года?

— Издательство «Ис-кры», — говорит тов. Шен-фельд, — главным образом выпускает книги для детей и юношества. Это почетная и ответственная работа. Книжки должны воспитывать в молодых гражданах на-шей страны самоотвержен-ный строительный будущий. Выбирая для издания то или иное произведение, мы исходим прежде всего из интересов молодого чите-льни.

В этом году мы издали двенадцать книг, выпущенных советским издательством «Мо-лодая гвардия», — сборник статей, речей и писем В. И. Ленина о молодежи и сборник «Умелые руки». За несколько дней в книжных магазинах Польши был рас-продан сборник «Молодые», куда вошли лирические и сатирические стихи В. Маяковского, посвященные мо-лодежи. Редактор этого сборника — известный пере-водчик стихов В. Маяков-ского Анатолий Стерн.

Среди советских книг, впервые вышедших в этом году, мне хотелось бы на-звать сборник рассказов К. Паустовского «Без вре-мени», Г. Калиновского «Конек караванной тропы», романы С. Маркова «Юно-ский воров» Л. Платова «Страна семи трав», пове-сти В. Немцова «Тень под землей» и Б. Липунова «Открытие мира».

Как видно из этого пе-речисления, издательство «Искры» выпускает много приключенческих и научно-фантастических книг. Их с нетерпением ждет молодежь. Не случайно широкая по-пулярность получила у нас книга И. Ефремова «Звезд-ные корабли» и «Алмазная труба». Учитывая большой спрос на них, мы переизда-ли в этом году обе повести.

— Какие книги советских писателей, выпущенные ва-шим издательством, выде-ржали наибольшее число ре-цензий?

— Когда мы говорим о рецензиях, нужно учесть, что издательство «Искры» еще очень молодо. Оно бы-ло создано в 1953 году. За три года мы дважды изда-ли «Повесть о пятидесяти человеках» В. Полесово-маны «Не переводя дыха-ния» и «День второя» И. Эренбурга, «Мое поколе-ние» и «Алексей Гайдар» В. Горбатова. Повесть В. Ка-таева «Валет парад одною-дней» выдержала уже три издания.

— Какие советские книги выйдут до конца года?

— До конца года мы вы-пустим роман А. Толстого «Аэлита», роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», повесть Л. Собо-лева «Зеленый луч». В на-стоящее время завершается работа над антологией «Со-ветская лирическая поэзия». Ее также редактирует Ана-толий Стерн, а среди пере-водчиков, участвовавших в составлении, одноименной, много известных польских поэтов: Владислав Бронев-ский, Мечислав Яструн,



В дни Меслячника польско-советской дружбы. Рабочие завода огнеупорных материалов в Радеме у стенда советских книг.

Прага у телефона..

— Наше издательство, — начал беседу главный ре-дактор государственного из-дательства «Свет Совету» Владислав Становский, — широко практикует издание советских книг тематическими сериями. В этом году в серии «Новая советская би-блиотека» куда входят но-винки советской литерату-ры, мы выпустили повесть Л. Соболева «Зеленый луч» и сборник повестей и рас-сказов Б. Полевого «Оря-чьи цех». В серии «Народ-ная библиотека «Свету Со-вету» издаются как совре-менные произведения со-ветских писателей, так и книги, написанные несколь-ко лет назад, уже изданы приключенческих и научно-фантастических книг. Их с нетерпением ждет молодежь. Не случайно широкая по-пулярность получила у нас книга И. Ефремова «Звезд-ные корабли» и «Алмазная труба». Учитывая большой спрос на них, мы переизда-ли в этом году обе повести.

— Какое издательство вы-пустило наибольшее число рецензий?

— Когда мы говорим о рецензиях, нужно учесть, что издательство «Искры» еще очень молодо. Оно бы-ло создано в 1953 году. За три года мы дважды изда-ли «Повесть о пятидесяти человеках» В. Полесово-маны «Не переводя дыха-ния» и «День второя» И. Эренбурга, «Мое поколе-ние» и «Алексей Гайдар» В. Горбатова. Повесть В. Ка-таева «Валет парад одною-дней» выдержала уже три издания.

— Какие советские книги выйдут до конца года?

— До конца года мы вы-пустим роман А. Толстого «Аэлита», роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», повесть Л. Собо-лева «Зеленый луч». В на-стоящее время завершается работа над антологией «Со-ветская лирическая поэзия». Ее также редактирует Ана-толий Стерн, а среди пере-водчиков, участвовавших в составлении, одноименной, много известных польских поэтов: Владислав Бронев-ский, Мечислав Яструн,

Турнир 34 команд

Вчера состоялся последний тур XII шах-матной олимпиады. Теперь можно подвести первые итоги командного первенства мира по шахматам.

Новую победу одержали советские шах-матисты. Золотой кубок чемпионов мира остается в Москве, золотые медали завоева-ли М. Ботвинник, В. Смыслов, П. Керес, Д. Бронштейн, М. Тайманов, Е. Геллер, се-ребряную — капитан команды А. Котов.

Достижения шахматистов Югославии и Венгрии показывают, что команда Югосла-вии справедливо считается одной из силь-нейших в мире, а команда Венгрии значи-тельно выросла в два в двух предыдущих олимпиадах она занимала шестое место. Успех сопутствовал и впервые участво-вавшим в турнире победителям шахмат-стам Швейцарии, Румынии и Дании.

В соревновании на первенство мира рас-пределены все 34 места. Новички олимпиа-ды — шахматисты Филиппин, Индии, Мон-гольской Народной Республики и Ирана — не могли, конечно, рассчитывать на боль-шой успех, впервые участвуя в таком ответ-ственном международном соревновании. И все же дебош надо признать отличным: они, в частности, опередили ряд европейских команд — Шотландия, Греция, Ирландия и Люксембург. Неудачниками олимпиады оказались команды Аргентины и Чехослова-кии, потерявшие свои традиционные второ-е и четвертое места.

Выдвинула ли олимпиада новые имена? Безусловно. «Героим» встреч лидер команд были датчанин В. Ларсен и пред-ставитель Исландии Ф. Олафссон. Что касается общей оценки впервые про-веденного в Москве грандиозного сорев-нования на командное первенство мира, то ее хотелось бы выразить словами Рамды Гупта, защитившего на второй доске спор-тивную честь Индии: «Огромное впечатле-ние произвела на меня превосходная орга-низация олимпиады... Отношения, которые установились между шахматистами, говоря-щими на десятках языков, не могут вы-звать другого чувства, кроме чувства восхи-щения».

Таковы главные итоги закончившегося в Москве XII командного первенства мира.

Мастер Л. АБРАМОВ

Награждение писателя

Д. К. Свищева (Суорун Омоллоон) — орден Трудового Красного Знамени

В связи с пятидесятилетием со дня рождения якутского писателя Д. К. Сви-щева (Суорун Омоллоон) и принимая во внимание его заслуги в области художе-ственной литературы, Указом Президиума Верховного Совета СССР Дмитрий Коно-вич Свищев (Суорун Омоллоон) награжден орденом Трудового Красного Знамени.



Москвичи-новоселы на проспекте Сталина в Комсомольске-на-Амуре. Фото М. КУЗНЕЦОВА

Эстафета юности

Пройдитесь сегодня по улицам Комсомольска-на-Амуре. Если пострепанные кусты ясминна в скверах, блеск витрин, узорах и рисунках чуждого штатетника и асфальт в центре города заставляют забыть о том, что все это появилось на месте недавних лесных де-брей и болот, то на окраинах хорошо понимаешь и чувст-вуете, что город-то в тайге! Правда, тайга поредела: у городских окраин ее кое-где поросли поля обработан-ной земли с зелеными рядами посевов, но куда бы ни посмотрел вдале — всюду не-исчерпаемое море лесов.

Город хорошо виден с вершины сопки Партизан-ской, что поднялась в граде

терпящемуся в снегах ве-большому поселку.

И вот недавно мне снова довелось подняться на эту вершину. Какие перемены! Теперь отсюда открывается величественная панорама: го-род раскинулся на всем про-тяжении от озера Мыльки до Харпи. Пожалуй, здесь впервые по-настоящему пости-гаешь, какой славный трудо-вой подвиг народа-созидате-ля заложен в основу этого прекрасного творения.

Кто из представителей старшего поколения не пом-нит, с каким интересом, вол-нением и гордостью следила вся страна за рождением это-го города в далеком краю, на пустынных берегах Аму-ра, среди неоплодотворен-ной тайги? Именно социалистическая новизна была и останется той могучей силой, которая привлекает к этому городу внимание советских писате-лей.

В первые годы строитель-ства здесь частым гостем был Александр Фадеев. Помнятся его горячие речи на собраниях молодых стро-ителей, его живой интерес к творчеству литературовцев. В годы работы над кни-

гой «На Востоке» в Комсо-мольске жилая Петр Пав-ленко. Здесь собирала мате-риал для своего романа «Мужество» Вера Кетлин-ская, которая потом читала литературному активу горо-да юности первые его главы. О строителях Комсомольска не раз вдохновенно писал пре-красный поэт Петр Комаров.

Позднее, в предвоенные годы, в литературной груп-пе, сложившейся при город-ской газете, появились Ни-колай Задорнов и Василий Ажаев. Их ранние рассказы и очерки часто бывали пред-метом творческих споров на литературных «сходах».

Именно в ту пору у Задор-нова зародилась мысль на-писать о первых русских по-селенцах на Амуре.

Так в истории Комсомоль-ска постепенно развивалась и крепла замечательная тра-диция нашей новой литера-туры — служение великому делу социалистического строительства. Не случайно здесь, на далекой окраине, родились многие книги, по-любившиеся затем широко читателем. Приходится только пожалеть, что живой творческий контакт между

литераторов, так или иначе связанных с Комсомольском своей творческой биографи-ей, прервался в последние годы. А как бы нужен он был сейчас!

Недавно мне довелось при-сутствовать на литературной «пятнице» в Комсомольске, прошедшей в том же по-мещении, где некогда соби-рались наши «детище» «сре-ды». Такие «пятницы» за последние время почти регу-лярно проводятся литератур-ной группой, объединяющей около двадцати молодых про-заиков и поэтов.

Остановлюсь на мне тяжелый и несо-койный взгляд, как будто ожида-ет ответа на трудные вопросы.

На поля спустился вечер. Углубившись в свои мысли, мы умолкли. После дождя вокруг стало необычайно ти-хо. Только кукурузы, срезаемые девчачьи-ми руками, слышимыми, как человек, пада-я, шуршали.

СЕЛО РУДЬ — МОЛДВИЯ

молодого строителя, его стремления и интересы.

Безусловный интерес пред-ставляет творчество нача-ющего прозаика Станисла-ва Валабина. Его повесть «Приискатели», которую он сейчас дорабатывает, ин-тересна тем, что в ней пока-зана обстановка на золотых приисках в двадцатые годы. Несмотря на молодость ав-тора — ему 22 года, первый литературный опыт Валабина свидетельствует о его бесом-нечных творческих возмож-ностях. Конечно над по-веством предстоит еще пора-ботать, чтобы ярче выявить некоторые характеры, устра-нить известную рыхлость композиции.

Два года назад в газете Комсомольского сельского района были напечатаны главы из первой руко-писи Ивана Баранова — работника райисполкома — «Солнце над Монгму». Гла-вы эти, при всей малоопы-тности автора, интересны тем, что в них показаны годы ре-волюции и гражданской вой-ны в нанайском стойбище, о чем, к сожалению, написано пока еще мало. Детальное знание быта нанайцев, нема-

Мастер Л. АБРАМОВ

Нанануне своего юбилея Комсомольск принимает но-вое пополнение молодых строителей. Недавно здесь встретили первых посланцев комсомола из Ростовской об-ласти. К приходу поезда на вокзале собралось сотни строителей города, в том числе его предвоснователи. Пионеры преподнесли де-вушкам букеты живых цве-тов. Приехавших разместили в новом благоустроенном общежитии.

Эстафета первоосновате-лей передается надежному пополнению.

Нынешний поход юности на Восток — новая, еще бо-лее грандиозная эпопея. Сколько городов возникло на необъятных восточных просторах нашей страны! Сейчас, когда мысленно вглядываемся в сибирский дали, невольно думаешь, что рождается как бы целая но-вая страна, страна с поисти-не прекрасным будущим.

И разве не родятся здесь новые поэты и писатели, раз-ве не придут отсюда талант-ливые книги? Безусловно, появятся и придут.

Александр ГРАЧЕВ
КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ

Виктор ГОНЧАРОВ

Поэму

Когда читаю я тебя,
Любимого поэта,
И в бой идут, труба,
В битвах дорог планет!

Пусть прикручиваешь
Стих разбудит,
Пусть Родина
Еще сильней,
Красивей
И чудесней будет.

Пусть прикручиваешь
Стих разбудит,
Пусть Родина
Еще сильней,
Красивей
И чудесней будет!

Бессмертный
образ Фрунзе

Недавно мне пришлось прочесть книгу С. А. Сиротинского «Путь Арсения», в которой ярко, хотя и очень кратко, рассказывается о жизни и деятельности Михаила Васильевича Фрунзе.

Книга «Путь Арсения» (такова была подпольная кличка М. В. Фрунзе) — не только биографический очерк, но и воспоминания о замечательном полководце. Написал эту книгу человек, лично знавший Фрунзе, старый большевик, многие годы работавший с ним.

Отрадно, что сейчас можно свободно и просто говорить о роли Фрунзе. А ведь еще недавно непомерное преувеличение роли Сталина в гражданской войне и в военном строительстве заставляло замалчивать заслуги других выдающихся строителей и руководителей Советского государства, его армии и флота.

В. И. Ленин дал высокую оценку героическому подвигу советских войск, проявленному под командованием М. В. Фрунзе как при разгроме Колчака, так и при штурме крымских укреплений. За умелое руководство боевыми действиями советских войск Фрунзе был назван «многоисленным гражданским и почетным орденом» с надписью «Народному герою — Михаилу Васильевичу Фрунзе».

В биографическом очерке воссозданы картины напряженной работы М. В. Фрунзе по проведению военной реформы, коренной перестройки центрального и местного военного аппарата, выработке единой военной доктрины. Читая об этом, еще больше убеждаешься в том, что чем дальше уходит в прошлое время, когда жил и творил этот замечательный человек, тем величественнее становится его дело, тем ярче вырисовывается облик одного из преданных сынов славной Коммунистической партии.

Книга «Путь Арсения» содержит весьма важный по своему значению фактический материал о многих событиях гражданской войны и восстановительного периода, связанных с жизнью М. В. Фрунзе. Читая эту книгу, написанную просто и доступно, ясно представляешь себе Михаила Васильевича Фрунзе — революционера-большевика, славного полководца, бесстрашного борца за дело коммунизма. И хотя в книге не все равно, а отдельные места даны до предела сжато и сжато, сам читатель дорисовывает портрет Фрунзе, располагая тем богатым фактическим материалом, который содержится в биографическом очерке.

Хорошее, большое дело сделала Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, издательство в свет воспоминаний С. А. Сиротинского о Михаиле Васильевиче Фрунзе.

Я ГОРЕЛИК,
кандидат военных наук

Факты и вымысел

Недавно исполнилось 70 лет со дня рождения Сергея Мироновича Кирова. Бесстрашный революционер, пламенный трибуна — таким знали мы все Сергея Мироновича, таким вошел он в героическую историю нашей социалистической Родины.

На мою долю выпало счастье много лет общаться с С. М. Кировым. С осени 1910 года по 1918 год я работал в газете «Терек», где сотрудничал и С. М. Киров.

В своей повести Ю. Либединский и Э. Блок стремятся воссоздать образ С. М. Кирова, еще юного, но уже пережившего бурное время первой русской революции. События после провала заговорной группы Томские подпольной типографии, Сергей Миронович в 1909 году переживает во Владикавказе. Об этом периоде его жизни имеется очень мало документов, нет и значительных воспоминаний современников. Тем более необходимо беречь каждую крупную сохранившуюся фактуру и дать точную картину той политической обстановки, в которой пришлось жить и действовать С. М. Кирову.

К сожалению, авторы повести недостаточно бережно обошлись с имеющимся в их распоряжении материалами. В результате получилась книга, дающая не всегда верный образ С. М. Кирова и других связанных с ним людей. Вместе с тем авторы дают порой довольно облегченное представление о большевистском подполье тех лет в своеобразных условиях Северного Кавказа.

Декларативно утверждая многие прекрасные качества своего героя, Ю. Либединский и Э. Блок в ряде мест противоречат себе в раскрытии образа С. М. Кирова. «Какой конспиратор!» — восклицают они словами одного из героев. И дальше: «...не дай бог, если революционером можно назвать в толе по первому взгляду». А в повести, по сути дела, так и происходит: Лена Коломбо с первого взгляда узнает С. М. Кирова, Павел Лужков, бывший матрос с «Погонина», также сразу разгадывает его, как и Всеволода Коломбо, и вообще в повести все время происходит счастливые встречи и расставания.

А как ведет себя герой, объявленный величественным конспиратором? Вот он приезжает в Грозный. В тот же день он пытается устроиться на работу в контору фирмы «Благонь», где от него требуют справку о благонадёжности (то есть «Сергей повел плечами, словно ему тесно была одежда»). И тут же он пускается в откровенный политический разговор со случайным собеседником о том, что «господом нефтепромышленником нужно содрать положенных семь шкур со своих рабочих», что для этого нужен «штаб жандармерии, сыщиков, полиции, шпинов, странников». Приехал во Владикавказ, С. М. Киров в беседе с неизвестным ему учителем-осетинином сразу же сообщает, что в 1908 году он был в Томске, хотя он скрывается в это время от розысков именно томской полиции.

Революционное подполье, в годы революции, после поражения революции

Ю. Либединский и Э. Блок. «Сын партии». Повесть о С. М. Кирове. Детизд. 1956, 316 стр.

1905 года, требовавшее от его участия особой бдительности, осторожности, самопожертвования, нередко превращается в повести чуть ли не в приключенческую игру. Герой повести очень часто занимается переодеванием. То он превращается в солидного крестьянина с окладистой бородой и с кнутом в руках, то в идущего молодецкой походкой отставного солдата с медалью, в шинели старинного покроя, то принимает обличье старенького чиновника с подстриженной седою бородой и в очках в медной оправе. Для чего же прибегает к подобной, весьма рискованной маскировке руководитель подпольной большевистской организации? Означается, только для того, чтобы «среди бела дня, не привлекая ничего внимания, сосулившись, дробной походкой пройти по проспекту». Или для того, чтобы, покупая в городском саду, в kiosке, газету, «перемолвиться тихим словечком с владельцем kiosка» большущим Вагановым.

Описание самого Владикавказа выдержано в том же духе. Авторы, например, придумали некий проходной двор, через который можно, не появляясь на улицах, за пять минут добраться из редакции газеты «Терек», где работал С. М. Киров, до «кладов» — мостков без перил, под которыми воет не знающий жалости Терек. Но ведь Владикавказ — реально существующий город и выдумки здесь ни к чему.

Наконец, непереносимо передана вся линия взаимоотношений С. М. Кирова с его будущей женой Марией Львовной Маркушевич.

М. Л. Маркушевич была скромной труженицей из бедной семьи. Она не имела возможности получить даже трехлетнее образование и очень рано начала трудовую жизнь. В повести же она описана как гимназистка. Мария Львовна была связана с профессиональными революционерами, есть данные, что еще в 1907 году на не имела переправы из-за границы революционная литература. Именно на этой почве началась дружба С. М. Кирова с М. Л. Маркушевич.

А в повести «Сын партии» она изображена в виде этаной парнишки дворянского барышней Владикавказ. Она получает первый приз за танцы. Ей почтительно кивают на улице офицеры. Сам адъютант главнокомандующего, князь Даликов, считает за честь танцевать с ней.

Ведь живы еще люди, хорошо знавшие в те годы Марию Львовну и Сергея Мироновича. В Ленинграде живет ее сестра, Софья Львовна, с которой не раз встречалась и соавтор Ю. Либединского Э. Блок.

В книге немало и других неточностей, преувеличений, неоправданных отступлений от исторической реальности.

Именно факты не нужны и ценны прежде всего для повести о С. М. Кирове. И нужен большой любовный труд, чтобы обстоятельно изучить их и дать правдивую картину того или иного периода в жизни выдающегося деятеля большевистской партии.

Д. КОРНЕВ

Кто такой Кожух?

В книгах и учебных пособиях по советской литературе при характеристике повести Серафимовича «Железный поток» вот уже почти двадцать лет ничего не говорится о том, что прообразом Кожуха послужило реальное лицо. Текст статьи Серафимовича «Как я писал «Железный поток» в последнем собрании сочинений писателя напечатан с изменениями. Исчезли все те места, где говорится о прообразе Кожуха.

Как известно, в основу «Железного потока» положены подлинные исторические события — знаменитый поход Таманской Красной армии в 1918 году. Образ Кожуха — руководителя и вождя «железного потока» — взят Серафимовичем из действительной жизни. Это славный командир Таманской армии Е. И. Ковтюх.

Ефим Иванович Ковтюх — один из выдающихся командиров Красной армии, организатор целого ряда героических операций в период гражданской войны, за которые он был награжден тремя орденами Красного Знамени.

О том, что Кожух — это Ковтюх, сообщил в свое время и сам автор повести — Серафимович. В статье «Как я писал «Железный поток» он иногда просто называет Кожуха Ковтюхом. «Мне пришлось очень много работать над ожиданиями первоначальной публикации. Над бабой Горпиной, стариком, е, над самим Ковтюхом».

Здесь же он пишет следующее: «...Кожух дан у меня несколько односторонне... образ вообще отходит от живого образа подлинного Ковтюха...».

Беседы с Ковтюхом давали богатейший материал писателю. «По мере того как Ковтюх рассказывал, — пишет Серафимович, — передо мною все осязательнее разворачивалась тема».

Благодаря тщательной и кропотливой работе Серафимович сумел нарисовать в повести живописную картину героического похода Таманской армии. События и обстановка были настолько точно и ярко показаны, что участники Таманского похода, прочитавшие «Железный поток», спрашивали у своего бывшего командира: «Ковтюх, а товарищ Серафимович в какой части у нас был?»

В 1926 году вышла книга Е. И. Ковтюха «От Кубани до Волги и обратно», где он изложил историю событий, художественно показанных Серафимовичем в «Железном потоке».

На мой взгляд, советским литературоведам, а также авторам учебных пособий по истории советской литературы надо восстановить истину о Кожухе — Ковтюхе. Надо издать первоначальный текст статьи «Как я писал «Железный поток», расскзать о подлинных фактах, относящихся к прекрасной повести Серафимовича «Железный поток».

Н. КАМИНСКИЙ
МИНСК



ЗАБЫТОЕ БОГАТСТВО

Советские о наследии Молдо Кылыча

Во Фрунзе, в конференц-зале Академии наук Киргизской ССР, состоялся тридцатый совещание о наследии киргизского акына-писателя конца XIX — начала XX века Молдо Кылыча Шамарканова. Творчество этого поэта было в свое время несправедливо объявлено переломом реакционным, антинародным. О необходимости пересмотреть отношение к Молдо Кылычу «Литературная газета» писала 21 июня 1956 года в статье «Забывтое богатство».

Советские ученые и писатели из Казахстана, Москвы, Узбекистана: писатель и ученый М. Ауэзов, заместитель директора Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР М. Баррабаев, профессор Ташкентского университета тюрколог В. Рещетов; свои выступления в письменном виде прислали за кафедрой литературы народов СССР Московского университета доцент М. Богданова и действительный член Академии наук Казахской ССР С. Кенесбаев. И это не случайно, — ведь вопрос о правильной оценке литературного наследия многих народов СССР, о возвращении литературе несправедливо отгнанных писателей и поэтов стоит сейчас очень остро, и каждый может представить разговор на эту тему помогает литературоведом всем репутацию решать свой такой же рода проблемы.

Советские ученые под председательством вице-президента Академии наук Киргизской ССР Д. Алышбаева. С докладом выступил ректор Киргизского государственного университета академик Б. Юнусалиев. Он дал положительную оценку творчеству Молдо Кылыча, обстоятельно говорил о многих его произведениях, резко возражал тем, кто пытался утверждать, что у Молдо Кылыча нет других серьезных произведений, кроме поэм «Зилзала» («Землетрясение») и «Зар заман» («Эпоха скорби»), поэм, в которых акын отдает наиболее солидную дань религии, что и служило поводом для самых резких выступлений против его. Доклады отметили, что в Киргизии сбор и исследование дореволюционных письменных памятников литературы — не только производственный труд, но и работа в самом начале, и работа в фактически до сих пор возобновлена. В обсуждении доклада участвовали двенадцать литературоведов, историков, лингвистов, писателей. Подводящее большинство выступавших высказалось за возвращение киргизской литературе Молдо Кылыча, автора первых печатных книг на киргизском языке, акына, который красочно и любовно описывал природу родного края. Многие говорили об интереснейших сатирических поэмах Кылыча «Пир беркута» и «Перналя», где поэт в виде птиц вывел образы представителей различных социальных слоев. И хотя ораторы не сходились порой друг с другом в конкретных оценках и отдельных частных вопросах, их сближало именно положительное отношение к творчеству поэта в целом. Это характеризовало выступления литературоведов М. Богдановой, У. Джакшешева, Б. Керимжановой, Д. Шукурова, писателей Н. Байтемирова, Ш. Бейшеналиева, К. Маликова, А. Токомбаева, историков Д. Айтмамбетова и Б. Джамгырчинова, академика К. Юдахина, народного акына С. Каралаева и других.

Председатель правления Союза писателей Киргизии А. Салиев резко критиковал тех, кто схематически и вульгаризаторски подходит к изучению литературных явлений, пытается предъявлять к творчеству писателей и народных сказителей прошлого те же требования, какие мы предъявляем к творчеству советских писателей. Он возражал против необоснованных, не подкрепленных научным анализом сомнений в принадлежности ряда произведений Молдо Кылычу. Такие сомнения, надо заметить, прозвучали у Т. Смыдыбекова и Б. Байсеркева.

Отрицательным по отношению к Молдо Кылычу было, по существу, лишь выступление Д. Самаганова. Он рассматривал акына лишь как типичного представителя «замановство», проповедника панисламизма и панюризма, и говорил только о поэме «Зар заман», характеризуя ее как целое антирусское, реакционное произведение. С исходной позицией Самаганова и его аргументацией категорически не согласилось большинство выступавших. Х. Карасаев подверг критике точку зрения Д. Самаганова на так называемую «литературу заманов» и присоединился к высказанному М. Богдановой мнению о том, что «заманов» следует расширять не как литературное течение, а скорее как жанр, форму, и что такой подход к «заманам» даст возможность рассматривать как единое явление конкретно, с его действительными недостатками или достоинствами.

Удивило участников собрания заявление Б. Оралаева, что до сих пор Молдо Кылыч был известен лишь как автор поэм «Зилзала» и «Зар заман». Между тем другие стихотворения и поэмы Кылыча издавались дважды — в 1925 году в Москве и в 1945 году во Фрунзе.

Л. ЛЕБЕДЕВА
ФРУНЗЕ. (Наш спец. корр.)

Литературная газета

Литературовед Т. Саманич привел список, состоящий из 28 названий произведений Кылыча, имевшихся ранее в фондах Академии наук Киргизии. Из них в настоящее время сохранилось лишь десять.

М. Ауэзов предложил интересное, основанное на литературоведческом анализе, решение вопроса о принадлежности таких произведений, как «Буудайлык», «Пир беркута», «Перналя», именно перу Молдо Кылыча. Он высказал также предложение, что «Зар заман» — не поэма, созданная в одно время, а нечто вроде «диалогов» стихотворений разных лет, чем и объясняется противоречивость отдельных кусков.

Профессор В. Рещетов подчеркнул в своем выступлении значение опубликованной в «Литературной газете» статьи «Забывтое богатство» и совещание во Фрунзе для литературы Узбекистана, Казахстана, Кара-Калпакии.

Советские ученые приняли резолюцию, в которой Молдо Кылыч признан выдающимся талантливым акыном-писателем, отразившим в своем творчестве противоречия эпохи. В его произведениях высказаны гуманистические идеи, протест против двойного гнета — местных киргизских управлений и русских колонизаторов-чиновников; он видел и положительные стороны присоединения Киргизии к России. Именно о целом реакционном характере творчества акына основательно на одностороннем подходе к его произведениям.

Советские ученые рекомендовали Институту языка и литературы Академии наук Киргизии включить в план научно-исследовательской работы сбор и изучение наследия Молдо Кылыча, подготовку к изданию ряд его произведений.

Л. ЛЕБЕДЕВА
ФРУНЗЕ. (Наш спец. корр.)

НОВЫЕ КНИГИ

Азаров В. Свет маяк. Ленинград. 195 стр. Цена 4 руб. 10 коп.
Давыдов С. Встреча с товарищем. Ленинград. 63 стр. Цена 1 руб. 35 коп.
Долматовский Е. Добровольцы. Роман в стихах. «Советский писатель». 206 стр. Цена 6 руб.
Дубровин В. Окрыленные бойцы. «Советский писатель». 168 стр. Цена 2 руб. 90 коп.
Дудин М. Утро доброй осени. «Советский писатель». 110 стр. Цена 1 руб. 70 коп.
Жуков А. Тридцать лет. Стихи и поэмы. 1921—1956. «Советский писатель». 298 стр. Цена 3 руб. 60 коп.
Журавлев В. Полк, под знамя! Воиниздат. 167 стр. Цена 3 руб. 70 коп.
Захарченко В. Чайки летят! «Молодая гвардия». 144 стр. Цена 3 руб. 55 коп.

Осинин В. Цветы и лепест. «Советский писатель». 159 стр. Цена 2 руб. 10 коп.
Островский С. Я в России родился! 1934—1956. «Советский писатель». 235 стр. Цена 4 руб. 30 коп.
Первое слово. Сборник стихов молодых поэтов. «Московский рабочий». 143 стр. Цена 3 руб. 60 коп.
Рылькин А. Стихи о тебе. «Советский писатель». 117 стр. Цена 1 руб. 15 коп.
Синимов И. Лыжня. Гослитиздат. 142 стр. Цена 3 руб. 60 коп.
Урин В. Рекам снята моря. Книга лирики. «Советский писатель». 243 стр. Цена 3 руб. 60 коп.
Филатов А. Застава Ильича. Стихи и поэмы. «Московский рабочий». 80 стр. Цена 3 руб.
Циганков С. Стрелки любви. Гослитиздат. 87 стр. Цена 1 руб. 60 коп.

Сатирические романы

Ильфа и Петрова

Д. НИКОЛАЕВ

1952 году, о романах Ильфа и Петрова написано черным по белому: «В этих романах, изобилующих комическими положениями, авторы стремились высмеять пережитки прошлого в быту. Но, изображая мелких жуликов и обыкновенных буржуазно-буржуазную природу своих героев и прокладывая мимо положительных явлений советской действительности». Характеристика, как видишь, убийственная. И согласиться с ней ни в коем случае нельзя.

Ильфа и Петрова не только «стремились высмеять», но и блестяще высмеяли ничтожный мир последнего старого общества. Уже в первом своем романе «Двенадцать стульев» они показали всю комическую несостоятельность, обреченность вчерашних «хозяев жизни», над которыми силы нового мира одержали решающую победу.

Сатирические романы

Ильфа и Петрова

Именно на тех людей, которые не понимают реконструктивного периода. — Сатира не может быть смешной, — сказал строгий товарищ...».

«Сатира не может быть смешной», — говорил один угрюмый критик; «сатира не может быть обобщающей», — утверждал другой; «сатира должна быть положительной», — требовал третий; наконец, четвертый, наиболее откровенный, прямо заявлял, что ее вообще быть не должно.

Ильфа и Петрова не слушали всех этих «советов» и «предостережений». Они писали: писали новый роман, многочисленные рассказы и фелетоны.

В критике высказывалось мнение, что «авантюризм-приключенческий» сюжет романа в сатирическом замысле никак-о отношения не имеет, что он лишь средство заинтересовать читателя, организовать острое действие. Думается, что и это не так. Сюжет «Двенадцати стульев» замечательно вскрывает самую суть той объективно-комической ситуации, в которой оказались после Октябрьской революции бывшие «столпы общества».

Сатирические романы

Ильфа и Петрова

Представители старого буржуазно-помещичьего строя доживают свои последние дни. Их век кончился. Им уже больше не на что надеяться. Утопающий хватается за соломинку; вчерашний предводитель дворянства Имполит Матвеевич и отец Федор — за возможность отыскать «клад». Гарнитуры мадам Петуховой — их последняя надежда. Ради этой «соломинки» они идут на все.

Писатели показывают, насколько мелко, ничтожны те, кто еще совсем недавно претендовал на роль «спасителя» и «руководителя» России. Пошариваят Кисса Воробьянинов — бывший «гигант мысли», «отец русской демократии». Не столько о боге и душе, сколько о собственном кармане почется алчный старик-миллионер Корейко — под скромного советского служащего. Маленький мир, чтобы продлить свое существование, всеми силами пытается подделаться под большую. Хорошо сказано об этом в романе: «В советское время, когда в большом мире созданы идеологические твердьня, в маленьком мире замечается оживление. Под все мелкие изобретения мурлыкино мира подводится гранитная база «коммунистической» идеологии. На пазуре «уйли-уйди» изображается Чемербер, очень похожий на того, каким его рисуют в «Известиях». В популярной песенке умный слесарь, чтобы добиться любви комсомолки, в три рефрена выполняет и даже перевыполняет промплан. И пока в большом мире идет яростная дискуссия об оформлении нового быта, в маленьком мире уже все готово: есть галстук «Мечта ударника», подставка-гладковка, гипсовая статуэтка «Купающаяся колхозница»...».

Сатирики безжалостно срывают «новые» маски с последнего старого общества. Как бы ни изощрились эти «бывшие люди» в искусстве минимирки, сколько бы усердно ни маскировали они свою истинную сущность ультраконсервативной фразеологией, им трудно укрыться от острого взгляда писателей, прочно стоящих на почве настоящего, большого советского мира.

Замечательны главы, посвященные изображению бюрократического учреждения «Перкулес». Полежаев, Скумбрияев, Берлага — эти фамилии стали нарицательными.

Сатирические романы

Ильфа и Петрова

Символически воспринимается знаменитая «Воронья свобода» с ее обитателями-обитателями — бывшим камергером двора Митричем; «бывшим князем, а ныне трудящимся Востока» — гражданином Игненишиным; «интеллигентом» Висисуалием Лоханкиным, отставным дворником Никитой Прахным и «инչичей бабушкой». В этих и многих других образах, созданных писателями, сатирически остро обобщаются различные стороны жизни «мурявиного», маленького мира середины и конца 20-х годов.

Необходимо отметить, что в обоих романах сатирики боролись со злом реальным, существующим, что они вывели типы, обитавшие и обитающие в реальной жизни, мешавшие нашему движению вперед. Это сатирически подчеркивают, так как до сих пор еще существует мнение, что Ильф и Петров якобы нарисовали типы музейные, дореволюционные. Так, в одной из газет недавно автор всех тех, кто встречается на пути Остапа Бендера, называл «...пошехонцами, глумованиям, перенесенными в XX век, в нашу советскую эпоху». Сатирика, конечно, не «стероидизм» в нашу

эпоху образы XIX века; они типизировали реальные черты тех представителей старого мира, с кем сталкивались в жизни. У нас зачастую слишком прямолинейно понимают «старое», его отождествляют с прошлым, уже исчезнувшим на жизни. Но разве это так? Старое, к сожалению, еще живет и отчаянно хватается за любую возможность, чтобы продлить свое существование.

Остап Бендер с момента своего появления на свет доставил немало хлопот и авторам, и редакторам, и критикам. Начал он с того, что буквально «пролез» в роман, посвященный на первых порах вовсе не ему. Евгений Петров впоследствии так писал об этом: «Остап Бендер был задуман как второстепенная фигура, почти что эпизодическое лицо. Для него у нас была подготовлена фраза, которую мы слышали от одного нашего знакомого миллиардиста: «Ключ от квартиры, где деньги лежат». Но Бендер стал постепенно выплывать из притопленных для него рамок. Скоро мы уже не могли с ним справиться. К концу романа мы обрались с ним, как с живым человеком, и часто сердились на него за нахальство, с которым он пролезал почти в каждую главу».

Сатирические романы

Ильфа и Петрова

Энергично прошагал по тремстам страницам «Двенадцати стульев», Остап был прирезан руками Кисы Воробьянинова. Но отделиться от него не удалось. Он выжили и отправился дальше — на поиски ватного тельца, на страницы «Золотого тельника», — отправился, не сознавая того, сколько беспокойства продолжает доставлять редакторам и критикам.

Дело в том, что Бендер не укладывался в привычные, заведенные шаблоны рамки отрицательного героя. Его рост был слишком велик для жулика, его остроумию мог позавидовать любой юморист, его сообразительность, умение находить выход в любых, самых трудных обстоятельствах вызывали симпатии. Наконец, его неунывающий характер, его живучесть явно противоречили упрощенному представлению о том, что старый мир, представителем которого является Остап, в силу его исторической обреченности не способен активно сопротивляться.

Образ Остапа Бендера оказался слишком сложным, и его постепнно объявляли неудачным. Отвзвук подобного мнения содргивался до сих пор. Тот факт, что

Солдатская юность и долг поэта

Десять лет назад в «Знамени» появилось это небольшое стихотворение, всего четыре строки:

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву и тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Эти строки как-то сразу взволновали меня. Первое, что изумило, — сжатость стихотворения и его афористичность, простота и умение чувствовать правду. Не чувствуется никакой «работы» поэта: поисков рифмы, «всовывания» слова в строку, чтобы не нарушить размера. Кажется, что стихотворение так сразу и родилось в голове поэта.

За этим первым впечатлением почти тут же последовало другое: стихотворение ясно, в этой прозрачной ясности видно на большую глубину. Как удар отнюдь по кремню выскакивает из его искры, так стихотворение пробуждает во мне множество ассоциаций с пережитым и передуманным.

Я сразу же запомнил имя автора: Юлия Друнина.

За прошедшим с тех пор десятилетием вышло две книги поэта: «В солдатской шинели» в 1948 году и «Стихи» — в 1952. Теперь я держу в руках третью книжку Юлии Друнины — «Разговор с сердцем».

В ней собраны новые произведения и часть прежних стихов. Юлия Друнина пришла на войну подростком, а рассталась с нем на двадцатом году жизни. На войне складывалась, сформировалась облик поэта, здесь прощала его юность, здесь поэт возмужал. Кто же забудет о пережитом весной своей жизни.

Война подвергла поэта тяжелым испытаниям. И в стихах Юлии Друнины чувствуется, что годы 1941—1944 были самыми важными и значительными в ее жизни, как и у многих ее сверстников. Здесь необычайно остро ощущается чувство Родины, возникает первая любовь, были пережиты первые горькие потери друзей и близких. Здесь открылся мир еще наивному и доверчивому взору в своей красоте и правде и в своей боли и ужасе, в мужестве и благородстве и в полноте и зрелости, здесь впервые проверила душа подростка, на что она способна и чего стоит. Нет ничего удивительного, что подавляющее большинство стихов Юлии Друнины — и, конечно, почти все лучшие и значительные стихи ее — так или иначе связаны с войной. Видимо, еще не было в жизни поэта ничего, равного по силе, по масштабу, по влиянию, не было событий и переживаний, которые бы так же захватили и повели за собой.

В первых стихах Юлии Друнины более запечатлена ее солдатская юность. В них — свежесть чувств и восприятий, связанная с конкретностью переживаемого. Сколько здесь строк, которые поэт именует «находками», которые запоминает читатель.

Каждые рожи несутся.
Шагают бойцы по ней.
Шагают мы —
детица,
Пожоже на парней.

Беглая встреча на фронте с любимым.
Сейчас же придется вновь расстаться,
расстаться. И рождается строка: «Минуту счастья делим на двоих...».

Девушка-развездич в блуднице поет и грустит:
За траншеей — вечер деревенский.
Звезды и ракеты над рекой...
Я грущу сегодня очень женской,
Очень несолдатской тоской.

В чем суть этих «находок»? В живой конкретности, в правде ощущений девушки на войне. Поэт был девушкой-солдатом, было такое контрастное сочетание. Юлия Друнина не только видела войну, она «делала» войну.

Юлия Друнина. «Разговор с сердцем». Стихи. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 1955. 94 стр.

Остаток, кроме отрицательных качеств, надежды и мечты, вызывающих какую-то симпатию, представляется некоторым критикам недостатком романов. В Ленинградской газете «Смена» (28 апреля с. т.) можно встретить, например, такую характеристику: «Создавая образ Остапа Бендера, Ильф и Петров, в сожалении, шли не только от типичных черт увиденного в жизни, традиционный герой «плутовского романа», эталон «веселый пролетаретель», был во многом не критически переосмыслен в социальное общество. Поэтому — тип, обреченный в жизни и отброшенный нашим обществом, как и прочие действующие лица книг, имеет некоторые не свойственные ему в жизни черты, в том числе обаяние. В этом — известный недостаток романа».

Остроумие и находчивость Бендера объясняют различно. Одни искали их источник в личных качествах авторов. В Ардов, например, в своих воспоминаниях писал: «...остроумие, которым блистает в обоих романах Остап Бендер, ведь это же в значительной части остроумие самого Ильфа... Ильф и Петров шло один из своего героя обаятельным светом, принадлежанием лично им». Если говорить о творческой лаборатории, о психологическом творчестве, то это, конечно, в какой-то мере справедливо. Но это не объясняет нам, почему же именно и для чего назвали авторы этим качеством своего героя.

Другие критики объясняют Бендера приписывают силе «литературной традиции». Дм. Молдавский, например, пишет в № 8 «Звезды»: «Остап Бендер (особенно в романе «Двенадцать стульев») не лишен обаяния... В чем же дело? Почему в реальный образ авантюриста и пройдохы вторгаются некоторые обаятельные черты?». Критик объясняет этот факт традицией «плутовского романа»: «...Литературная традиция остается литературной традицией, — пишет он. — И авторы романов придали реальному мошеннику традиционные черты «благородного жулика». Несколько ниже критик еще раз подчеркивает: «И. Ильф и Б. Петров, создавая фигуру Остапа Бендера, должны были, меньше всего думать о предшественниках своего героя, но какие-то традиционные черты Остап Бендер получил. Отсюда его двойственность. Остап литературный победил Остапа реального...».

Литературная традиция, конечно, имеет значение, но, право же, она не столь велика, чтобы победить, если идет вперед с замислом автора. И не этим, на наш взгляд, не «сликой» литературной тради-

ции объясняется «двойственность» Бендера. Образ Остапа Бендера производит «двойственное» впечатление, так как воплощает в себе противоречие характера и типа.

По характеру Бендер — деятельная, энергичная натура; он наделен умом, чувством юмора, он неизменно находчив, он бывает даже блестящ, талантлив в своих проделках.

Но все это направлено на личное обогащение. Этот незаурядный характер служит золотому телцу. Бендер — тип приобретателя. Типы — порождение общества. Каждое общество, каждый социальный строй формирует свои типы, которыми данный строй и держится. Тип приобретает рожден буржуазным, капиталистическим обществом. С уничтожением этого общества неизбежно должен исчезнуть и тип приобретателя, так как в новых социальных условиях он становится исторически несостоятельным.

Эту закономерность и воспринял сатирик в образе Бендера.

Возражая против сатирических романов Ильфа и Петрова, некоторые критики упрекали их в том, что герои — авантюрист и тушевец, не встречаешь сопричастия... входит в описываемую авторами жизнь. А ведь подобные афористы встречаются сопротивление со стороны советского общества». Это рассуждение вряд ли правильно, так как здесь совершенно игнорируется вопрос о том, в какую жизнь «входит» Остап беспрепятственно. Ведь он побеждает в «маленьком мире» медяк, недобитых благоверцев и тому подобных последователей старого общества. Это шантажист, умело использующий их боязнь, их страх перед советской действительностью.

Бендер, хотя и презирает весь этот «маленький мир», сам не в состоянии выйти за его пределы. Он мечтает о большом «маленьком мире» — о Рио-де-Жанейро, о буржуазном строе, и боится настоящего большого мира — советского.

Когда он действует в «маленьком мире» (и одновременно в своей среде), он побеждает — побеждает благодаря своему характеру, благодаря своим личным качествам.

Когда же он сталкивается с настоящим большим миром, с миром советской действительности, он терпит поражение, так как здесь раскрывается несостоятельность, историческая обреченность того типа людей, представителей которых он является. Он терпит поражение, не

смотря на свой незаурядный характер, несмотря на свою изобретательность, находчивость и прочие «обаятельные» качества. В этом-то и состоит глубина образа, созданного талантливыми писателями.

Примечательны последние главы «Золотого теленка», когда Бендер, ставший обладателем миллиона, не может ничего с ним сделать. Миллион не помогает Остапу получить номер в гостинице, построить собственный дом, жениться на Зосе... Оказывается, что при советском социалистическом строе новоявленный «миллионер» бесслен. Он смеется и комичен в своих притязаниях, ибо попадает в враждебное противоречие с советским обществом, с его моралью, с его нормами жизни. Бендер должен или превратиться во второго Керейку, то есть «ждать» капитализма, или бежать за границу.

Вся третья часть «Золотого теленка» — «Частное лицо» — это очень умно и тонко нарисованная картина социалистического строительства, картина труда, картина большого советского мира, сметающего Бендера со своего пути.

В сатирических романах Ильфа и Петрова нет положительных образов советских людей, которые боролись бы с Остапом.

Этот факт до сих пор смущает некоторых критиков. Тот же Дм. Молдавский считает нужным «оговориться»: «Как бы ни был влюблен читатель в роман Ильфа и Петрова, как бы ни потогорался он сочным языком, меткостью определений, в этом месте он должен запнуться. Образы людей в романе не получились. Есть только очертания их, силуэты. Остап Бендер гибнет, столкнувшись с советской действительностью, а не с так называемыми «положительными персонажами» романа. И по сути дела мы следим не за поступками и словами этих персонажей, а за теми чертами нашей действительности, что проглядывают из-за них».

Ну, и что же? Мы не видим в этом ничего «дурного» или «слабого». Важно, что Остап терпит крах в столкновении с нашей советской действительностью. Писатели наглядно показали, что положительный идеал (особенно в сатире) вовсе не обязательно персонафицировать в лице положительного героя, что пути, формы воплощения этого идеала — многообразны.

Романы Ильфа и Петрова изданы. Не пора ли подумать и над тем, чтобы собрать воедино и издать и другие их произведения? Не пора ли подумать над изданием собрания сочинений этих замечательных советских сатириков?

Ф. ЛЕВИН

Жизнь на войне до предела обостряла все чувства.
Не знаю, где я нежности училась:
Быть может, на дороге фронтовой.
Война сталкивалась с обычными «мирными» переживаниями, порою клала на них запрет.
Спрячь глаза,
А я сердце спрячу,
И про нежность свою забудь.
Трубы,
Пепел еще горячий.
По горячему пеплу путь.
Любовь казалась в этой жизни туманной.
Но она все-таки возникала вопреки смерти, вопреки всем самозапретам. И тогда дождалось.
В устах не записанное право
На поцелуй,
на пять моих минут.

Та же крупница, по черточкам возникает из фронтовых стихов Юлии Друнины привлекательный образ поэта с его чистотой и скромностью, каждой любви и верности, с обреченной суровостью, с романтической всех стремлений души.
Дал же теперь самое значительное место в душе Юлии Друнины занимает пережитое в годы юности на войне. Я говорю это потому, что в упрек поэту. Я согласен с ним, что нельзя забывать те дни:
Мир наступит —
захитнут орудия,
Смерть останется позади.
Но коль сердце
не найти ему места в груди!

Но что говорить нам стихи на другие темы? Как расширяться круг впечатлений и мыслей поэта, чем полнится его поэтический мир?

Среди стихов на новые темы есть отличные. Одно хочется привести целиком:
Да, сердце часто ошибалось,
Но все же не поселилась в нем
Та эстеровость,
Та усталость,
Что радовались мы зовем.

Все хочет знать,
Все хочет видеть,
Все остается молодым.
И я на сердце не в обиде,
Хоть нету мне покоя с ним.

Здесь так же выразительная краткость, те же простота, точность, непритязательность и естественность чувств, та же «сделанность» стиха, в нем нет лишнего слов. И та же ясность мысли, та открытость и душевная чистота, которые видны в лучших стихах о войне. Но сознать, что даже в этом, одном из запоминающихся произведений не хватает конкретности, связи с реальным, сегодняшним переживанием. Я чувствую в нем некоторую декларативность. Поэт говорит: мне чудно равнодушнее, а хочу все знать и все видеть. Кто равнодушен, кто свидетельствует о молодости души поэта. Но что же он узнал? Что же он увидел? Где в стихах его вытекает биография?

Поэт говорит о любви к Родине и рисует несколько картин ее природы: русской осени, Польши, моря в Боктебеле, набрасывая вымышленная биография?

Новое издание сочинений А. С. Пушкина

В книжных магазинах Москвы началась подписка на второе издание полного десятилетнего собрания сочинений А. С. Пушкина, выпускаемое издательством Академии наук СССР. В него включены окончательные и неоконченные произведения поэта, отрывки, критические, публицистические и исторические статьи и заметки, дневники, письма.

При подписке выдается первый том. Все томы выйдут из печати в течение 1956—1957 годов.

вает несколькими мазками сцену у порога через реку. Поэт говорит о том, что он ищет счастья «не в тихих долинах — на трудных дорогах, на дальних вершинах», обращается к солнцу и ветру. «Встречный ветер опять поет, что у юности края нет...». Но в некоторых из этих стихов мало биографического и потому мало реально-подробного (если можно так выразиться). Иногда хочется, чтобы стихи были больше «заземлены», подобно тому, как это было в стихах о войне:

Под одним почерешивным небом
Мы выскребывали котелки.
На привалах одних
мерзали,
Было жарко
в одних боках.
Фронтовой

горьковатый воздух!
Привкус пороха на губах!
Где эти котелки, этот привкус, эта реальность в таких стихах:
Посчастливилось мне
Немало по черешивной стране.
В океанх меня качало,
Снегом путь замелола мне.
И в крови у меня
Навек
Океана остался гуд...
«Снова рванул на волю реки
И в дороге меня зовут.

Этот уже условные океаны и онега, дороги и ветры — привычные аксессуары романтики.

А в других стихах, таких, как «Утро», «Ни а, ни ты не влюбим громких слов...», чувства, наоборот, слишком приреплены к обстоятельствам, в самом поэту, и пламя, наверно, сжигающее сердце поэта, не пересрабатывается к сердцу читателя и не воспламеняет его.

Когда-то Юлия Друнина писала:
Я немного романтик.
Я упрямо мечтаю,
чтобы была наша жизнь,
словно трудный полет,
чтобы все время — дороги,
чтобы все время — вокзалы,
чтобы работы — неупорочен.

Осуществились ли мечты поэта в последние годы? О ветре дальних странствий писала много поэтов. Вагрицкий слагал стихи о том, как
...выходит песня
С топотом шагов
В мир, открытый настежь
Бешенству ветров.

Но где в стихах Юлии Друнины те горные перевалы, которые она увидела в своих разведках, в трудном полете? Где дальние города и страны, упоминаемые в стихах? Стремление к ним уже не раз было провозглашено и заявлено многими поэтами, но за этим не всегда следовали собственные открытия.

И рвануло пожелать Юлии Друнины, чтобы романтика стремлений к горным вершинам не стала поэмой, не превратилась в фразу в ее стихах, и чтобы не обмельчал поток ее творчества. Талант дан ей не для этого.

Если попытаться оценить вышесказанное в целом, надо еще раз сказать, что поэтессой написаны умные, чуткие и «свои» стихи о минувшей войне, написаны и по горячим следам, между боями, на бывае, и по воспоминаниям, в раздумье о прошедшем. Об этой неповторимой и незаменимой солдатской юности ей будут не однажды написаны новые стихи. Но хочется, чтоб поэтесса с нарастающей силой привлекала новые темы окружающей жизни.

Эти беглые заметки не для того только, чтобы высказать автору, что меня взволновало в его стихах, чем я восхищался, о чем задумался, что не встретилось во мне отклика. Об этом я мог бы написать поэту письмо. Мне хотелось и другого: чтобы тот, кому попадутся на глаза эти строки, захотел прочитать стихи Юлии Друнины...

Югославские писатели в Москве

В Москву, проездом в Китай, прибыли выдающийся современный сербский писатель Иво Андрич, автор известной у нас книги «Мост на Дрине», и словенский писатель Филип Калан-Кумбатович.

На днях секретарь правления Союза писателей СССР А. Сурков принял редактора ежедневной югославской газеты «Нин» Стевана Мажоревича. По просьбе гостя А. Сурков рассказал о деятельности Союза писателей, о дискуссиях, происходящих в советской литературе, о задачах писателей в связи с решением XX съезда партии.

С. Мажоревич высказал пожелание об установлении более тесного контакта между писателями Югославии и Советского Союза.

В выступлениях был поднят вопрос об организации издательства детской литературы, которое существовало на Украине до войны, о выпуске «Украинской энциклопедии».

Участники собрания приняли резолюцию, в которой заверили ЦК КПСС в том, что они отдадут все силы решению задач, стоящих перед украинской литературой.



Латвийское государственное издательство подготовило к изданию на латвийском языке роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Иллюстрации к этому изданию сделали художником А. И. Белокузовым.

ХРЕСТОМАТИЙНЫЙ ГЛЯНЕЦ

Заключая книгу очерков о творчестве В. Маяковского, Н. Маслин напоминает известные слова Белинского о Пушкине: «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям... Каждая эпоха произносит о них свое суждение».

С полным основанием применимы эти слова к Владимиру Маяковскому. С каждым годом все глубже наше понимание его творчества. Сегодня особенно ясно, что недавнее время наложило на многие работы о Маяковском печать упрощения, боязни острых вопросов, канонизации поэта. Не свободна от этих недостатков была и книга Н. Маслина в ее первом издании 1949 года. Достаточно сказать, что в исследовании, которое называлось «Владимир Маяковский», не было почти ни слова написано о сатирических стихах, о «Плопе» и «Ване», о поэме «Про это», о стихах Маяковского.

Ныне Н. Маслин не обходит этих вопросов, и книга стала заметнее лучше. Однако целый ряд произведений он все же анализирует с той точки зрения, которая объективно выразилась в первом издании его книги.

В поэме «Про это», по мнению Н. Маслина, изображается трагический конфликт в «оптимистическом обрамлении». Конфликт отнесен на счет лирического героя, «обрамление» же принадлежит Маяковскому. Итоги поэмы в соответствии с этим разделены на «скорбные» и «жизнотверждающие». Если в поэме сказано: «В детстве, может, на самом деле, десять найду сносных дней», то это, коль следовать за автором, — пессимизм, и сказать так Маяковский не мог. Эти слова произнесены лирическим героем. Маяковский мог сказать: «Дни улыбаются к пристаю» или «...чтобы всей вселенной плала любовь». Н. Маслин не хочет признать, что это слова одного человека и поэта — Маяковского. Исследователь считает, что в поэме «авторская оптимистическая итогация отделила от скорбной и трагической итогации героя...».

Маслин убежден, что оптимизм исключает скорбь и страдания. Оказывается, что ни гибель в борьбе лучших сынов народа («задохнувшиеся плебеи», ни походы и хулиганья — ничто не вызвало у Маяковского горечи и страданий. Ни в ком случае, пишет Маслин, нельзя «...отодвигать автора и лирического героя, недолюбившего свое на земле и трагически погибшего, и на этом зыбком основании объявлять поэму трагической по всему ее звучанию...».

Да, Маяковский погиб, на земле свое недовольство. На основании самой его жизни, отраженной в созданных поэтом произведениях, мы все его творчество, а не одну поэму, — с правом, которого заслуживает всякий художник, — можем охарактеризовать как глубоко оптимистическое и вместе трагическое по своему звучанию... Вот эту сложность и многогранность мужественного поэта-революционера Н. Маслин видит далеко не всегда.

Весьма характерны для всей книги страницы, посвященные поэме «Владимир Ильич Ленин». На пути к поэме Маяковскому по словам Н. Маслина, «...приходилось много преодолевать, приходилось постоянно бороться с футуристическими и левовскими приемами...». Самый факт создания поэмы о великом вожде Н. Маслин рассматривает прежде всего как удар по левовским теориям, и это в какой-то мере справедливо. Однако, создавая образ Владимира Ильича Ленина, Маяковский более всего выступал против фашизма, елейного славопадения, конфетной красоты, того, о чем он сказал: «...поклонений установлений статут...». Не случайно через всю первую часть поэмы проходит одна мысль: Ленин — это не «стартовый вид», не «карт божий», а «самый земной из всех прошедших по земле людей».

После выхода в свет первого издания книги Н. Маслина прошло время, наполненное важными событиями в жизни страны, и Маслин, видимо, не всегда учитывает это.

М. Маслин. «Маяковский. Очерки творчества». Гослитиздат. М. 1956. 202 стр.

заставляющими нас с особенным вниманием отнестись к этой стороне произведения, которую Н. Маслин предпочел не заметить, хотя сам Маяковский подчеркнул ее, может быть, даже слишком резко.

В первом издании своей работы Н. Маслин очень односторонне интерпретировал заграничные стихи и очерки Маяковского. Америку, писал тогда Н. Маслин, Маяковский изображал как «страну жалкую и забитую». Ныне автор переработал эту часть книги, но не нашел возможным в полный год сказаться о том, что Маяковский высоко ценил культуру и достижения народов Америки, Франции, Польши, Чехословакии и других стран, в которых он бывал. Упоминание стихам и очеркам Маяковского не свойственно. Между тем Маслин подчеркивает только одну, хотя и очень важную мысль произведений поэта о заграничье: «вынес суровый притвор», «с глумом пишет», «развешивает» и т. д. Маяковский посвятил Нью-Йорку и Парижу многие, проникнутые не одним гневом, но и любовью странички. «В сверкающем, лопочном Париже поэт не покидает мысль о родной стране», — пишет Н. Маслин, и это верно, но зачем же столь недоброжелательно писать о городе, про который тот же Маяковский сказал:

Я хотел бы жить и умереть в Париже,
Если б не было таковой земли — Москва.

Книге Н. Маслина, как видно, свойственна тенденция выпрямить, пригладить, упростить Маяковского, доказать, что это «певец клепачной и ярой враг воды смрой».

С таким «Маяковским», каков он у Маслина, трудно оказалось связать советскую поэзию. Автор провозглашает: «Сила влияния Маяковского на его современников и поэтов последующих лет трудно переоценить». В доказательство этой несомненной истины Н. Маслин перечисляет советских поэтов, которые, по его мнению, продолжают традиции Маяковского: К. Симоненко, М. Бажан, А. Твардовский, М. Кословский, Я. Колас, В. Стрельченко, А. Кулик, М. Луконин, С. Шипачев, Н. Асеев, А. Недогонов, С. Кирсанов, Н. Грибачев. Но это еще не все. В тот же ряд он ставит М. Шолохова, А. Толстого, А. Серафимовича, Д. Фурманова, Ф. Гладкова, А. Фадеева, которые продолжали «традиции героического эпоса, утвержденные в искусстве социалистического реализма Горьким и Маяковским...». Столь сложная аргументация в пользу традиций Маяковского возбуждает желание узнать: в чем же Н. Маслин видит следование Маяковскому? Традиции Маяковского, — пишет он, — проявляются в умениях ставить в художественных произведениях насущнейшие вопросы жизни... Но очевидно, что в этом проявляются традиции литературы, начиная со «Слова о полку Игореве».

До чего же безлик Маяковский в изображении Н. Маслина! Всем он нравится и подходит: хорошим поэтам и плохим, несамостоятельным и оригинальным. И до чего односторонне наша поэзия в изображении Н. Маслина! Нет в ней, оказывается, поэтов, не следующих традициям Маяковского...

Серьезные недостатки книги Маслина отражают недостатки целого периода в отстоянии творчества великого поэта, когда сглаживались острота и неповторимость поэзии Маяковского. Задача борьбы с последствиями этого периода в литературоведении понятию Н. Маслин весьма своеобразна. Во втором издании ни упомянутое выше приведение ранее высказывания И. В. Сталина, в том числе и его известная оценка творчества Маяковского, сыгравшая в свое время, в борьбе за Маяковского, большую положительную роль.

Читатели ждуть иных книг о Маяковском, проблемных, ярких формой и содержанием, боевых и наступательных, как сама поэзия любимого народом поэта.

С. ЛИСНЕВСКИЙ

Югославские писатели в Москве

В Москву, проездом в Китай, прибыли выдающийся современный сербский писатель Иво Андрич, автор известной у нас книги «Мост на Дрине», и словенский писатель Филип Калан-Кумбатович.

На днях секретарь правления Союза писателей СССР А. Сурков принял редактора ежедневной югославской газеты «Нин» Стевана Мажоревича. По просьбе гостя А. Сурков рассказал о деятельности Союза писателей, о дискуссиях, происходящих в советской литературе, о задачах писателей в связи с решением XX съезда партии.

С. Мажоревич высказал пожелание об установлении более тесного контакта между писателями Югославии и Советского Союза.

В выступлениях был поднят вопрос об организации издательства детской литературы, которое существовало на Украине до войны, о выпуске «Украинской энциклопедии».

Участники собрания приняли резолюцию, в которой заверили ЦК КПСС в том, что они отдадут все силы решению задач, стоящих перед украинской литературой.

Югославские писатели в Москве

В Москву, проездом в Китай, прибыли выдающийся современный сербский писатель Иво Андрич, автор известной у нас книги «Мост на Дрине», и словенский писатель Филип Калан-Кумбатович.

На днях секретарь правления Союза писателей СССР А. Сурков принял редактора ежедневной югославской газеты «Нин» Стевана Мажоревича. По просьбе гостя А. Сурков рассказал о деятельности Союза писателей, о дискуссиях, происходящих в советской литературе, о задачах писателей в связи с решением XX съезда партии.

С. Мажоревич высказал пожелание об установлении более тесного контакта между писателями Югославии и Советского Союза.

В выступлениях был поднят вопрос об организации издательства детской литературы, которое существовало на Украине до войны, о выпуске «Украинской энциклопедии».

Участники собрания приняли резолюцию, в которой заверили ЦК КПСС в том, что они отдадут все силы решению задач, стоящих перед украинской литературой.

Югославские писатели в Москве

В Москву, проездом в Китай, прибыли выдающийся современный сербский писатель Иво Андрич, автор известной у нас книги «Мост на Дрине», и словенский писатель Филип Калан-Кумбатович.

На днях секретарь правления Союза писателей СССР А. Сурков принял редактора ежедневной югославской газеты «Нин» Стевана Мажоревича. По просьбе гостя А. Сурков рассказал о деятельности Союза писателей, о дискуссиях, происходящих в советской литературе, о задачах писателей в связи с решением XX съезда партии.

С. Мажоревич высказал пожелание об установлении более тесного контакта между писателями Югославии и Советского Союза.

В выступлениях был поднят вопрос об организации издательства детской литературы, которое существовало на Украине до войны, о выпуске «Украинской энциклопедии».

Участники собрания приняли резолюцию, в которой заверили ЦК КПСС в том, что они отдадут все силы решению задач, стоящих перед украинской литературой.

Югославские писатели в Москве

В Москву, проездом в Китай, прибыли выдающийся современный сербский писатель Иво Андрич, автор известной у нас книги «Мост на Дрине», и словенский писатель Филип Калан-Кумбатович.

На днях секретарь правления Союза писателей СССР А. Сурков принял редактора ежедневной югославской газеты «Нин» Стевана Мажоревича. По просьбе гостя А. Сурков рассказал о деятельности Союза писателей, о дискуссиях, происходящих в советской литературе, о задачах писателей в связи с решением XX съезда партии.

С. Мажоревич высказал пожелание об установлении более тесного контакта между писателями Югославии и Советского Союза.

В выступлениях был поднят вопрос об организации издательства детской литературы, которое существовало на Украине до войны, о выпуске «Украинской энциклопедии».

Участники собрания приняли резолюцию, в которой заверили ЦК КПСС в том, что они отдадут все силы решению задач, стоящих перед украинской литературой.

Югославские писатели в Москве

В Москву, проездом в Китай, прибыли выдающийся современный сербский писатель Иво Андрич, автор известной у нас книги «Мост на Дрине», и словенский писатель Филип Калан-Кумбатович.

На днях секретарь правления Союза писателей СССР А. Сурков принял редактора ежедневной югославской газеты «Нин» Стевана Мажоревича. По просьбе гостя А. Сурков рассказал о деятельности Союза писателей, о дискуссиях, происходящих в советской литературе, о задачах писателей в связи с решением XX съезда партии.

С. Мажоревич высказал пожелание об установлении более тесного контакта между писателями Югославии и Советского Союза.

В выступлениях был поднят вопрос об организации издательства детской литературы, которое существовало на Украине до войны, о выпуске «Украинской энциклопедии».

Участники собрания приняли резолюцию, в которой заверили ЦК КПСС в том, что они отдадут все силы решению задач, стоящих перед украинской литературой.

Югославские писатели в Москве

В Москву, проездом в Китай, прибыли выдающийся современный сербский писатель Иво Андрич, автор известной у нас книги «Мост на Дрине», и словенский писатель Филип Калан-Кумбатович.

На днях секретарь правления Союза писателей СССР А. Сурков принял редактора ежедневной югославской газеты «Нин» Стевана Мажоревича. По просьбе гостя А. Сурков рассказал о деятельности Союза писателей, о дискуссиях, происходящих в советской литературе, о задачах писателей в связи с решением XX съезда партии.

С. Мажоревич высказал пожелание об установлении более тесного контакта между писателями Югославии и Советского Союза.

В выступлениях был поднят вопрос об организации издательства детской литературы, которое существовало на Украине до войны, о выпуске «Украинской энциклопедии».

Участники собрания приняли резолюцию, в которой заверили ЦК КПСС в том, что они отдадут все силы решению задач, стоящих перед украинской литературой.

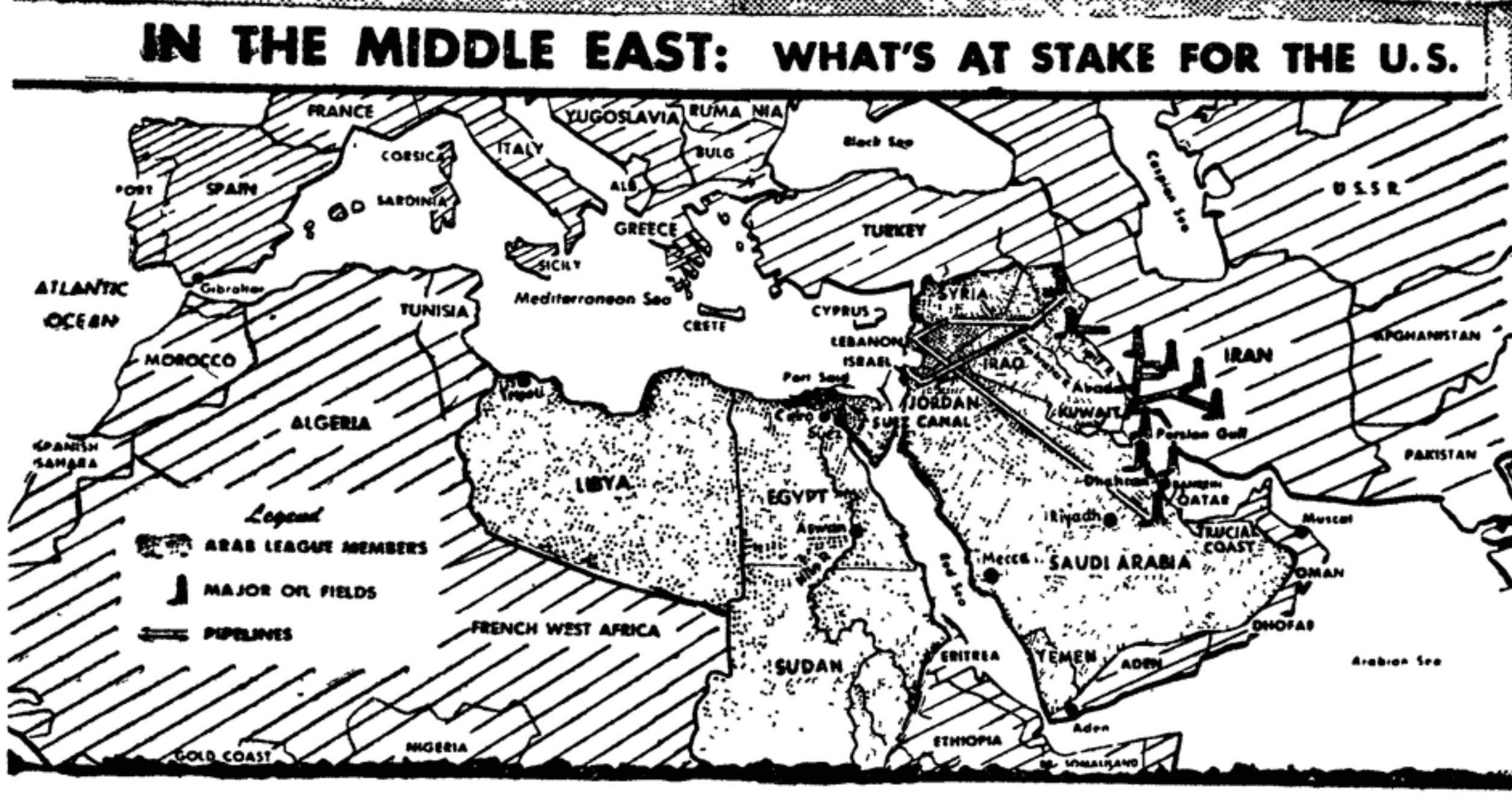
Югославские писатели в Москве

В Москву, проездом в Китай, прибыли выдающийся современный сербский писатель Иво Анд

АПЕТИТЫ КОЛОНИЗАТОРОВ

ДЛЯ ЧЕГО СОЗДАЕТСЯ «КООПЕРАТИВ ДАЛЛЕСА»?

«Кооператив Даллеса» — так окрестили западную печать сколачиваемую по инициативе государственного департамента США ассоциацию пользователей Суэцкого канала. Учредители этого кооператива произнесли немало пышных речей, в которых ссылались на то, что их единственная забота — обеспечить бесперебойное судоходство по каналу. Уж не для этой ли цели они отозвались с Суэца всех иностранных лоцманов и ежедневно организуют всевозможные подрывные мероприятия, рассчитанные на то, чтобы парализовать работу канала?



IN THE MIDDLE EAST: WHAT'S AT STAKE FOR THE U.S.

Если пайщики вновь учреждаемого кооператива озабочены только тем, чтобы все страны мира могли и впрямь беспрепятственно пользоваться Суэцким каналом, то их старания беспредельны. Египетское правительство сумело, несмотря на все трудности, самостоятельно обеспечить четкое движение судов через Суэцкий канал.

Чем же в действительности вызвана их провокационная возня, ставящая под угрозу не только судьбы судоходства через Суэцкий канал, но и судьбы мира на Среднем Востоке и во всем мире? Ответ на этот вопрос уже дан мировой общественностью. Провокационный план США, Англии и Франции ведет к искусственному созданию инцидентов, которые можно было бы использовать как повод для применения силы против Египта.

Могут ли нефтяные промышленники США и их европейские партнеры — вот истинные вдохновители нового авантюристического предприятия Даллеса — ассоциации пользователей Суэцкого канала. На такую мысль наводит американский журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Репорт», сопроводивший свои рассуждения о будущей неадекватности схематической карты. Эту карту мы здесь и воспроизводим.

Если бросить взгляд на нее, то может показаться, что нефтяные вышки — условных обозначений крупнейших районов нефтедобычи — здесь не так уж много. Однако за этими крошечными значками скрываются громадные богатства, которыми владеют иностранные монополии.

Журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Репорт» подчеркивает, что на первом месте среди этих монополий стоят американские нефтяные компании. Под картой выведено большими черными буквами на красном фоне: «...Не английские, а американские компании контролируют сейчас большую часть среднего восточной нефти». Как сообщает журнал, американские нефтяные компании имеют прямые концессии или долю в концессиях, контролирующей около шестидесяти процентов средневосточной нефти. С учетом нынешних цен на средневосточную нефть стоимость этих ресурсов оценивается журналом приблизительно в 275 миллиардов долларов.

Большая часть нефти, добываемой на Среднем Востоке, отправляется в Европу через Суэцкий канал. Не зная пользы от этого короткого пути, если сборы за пользование каналом пойдут в государственную казну его владельца — Египту, а не прежним самозваным хозяевам? Выдвигается, например, такой вариант: не выгоднее ли послать американские танкеры вокруг мыса Доброй Надежды, удешевив путь, а следовательно, и плату за перевозку? Выгоднее. Но кому? Разумеется, не западноевропейским покупателям нефти. Однако об их интересах в Вашингтоне заботятся меньше всего.

Но вернемся к карте. В красной окраске под ней подписана карта, определяющая область американской политики в Суэцком вопросе: «...предотвратить войну и кризис, которые могут привести к закрытию Суэцкого канала, нарушить поставки нефти и повредить Западной Европе». Но действительная цель Вашингтона — обострить суэцкий кризис, организовать бойкот канала, нарушить нормальные поставки нефти со Среднего Востока и нагреть руки на затруднениях Западной Европы.

Вот он, Суэцкий канал — место, к которому приковано сейчас внимание всего человечества. Суевова, неуспешная земля, покоренная великим, драматически напряженным трудом египетского народа и отдавшая в равноправное пользование народам всех стран.

Таким вспоминается мне этот кусок земли Египта сейчас, когда египетский народ ведет справедливую борьбу за законное право владеть каналом.

Действительно, надо иметь сильное большое аппетиты, надо опунуть сильным большую выгоду, чтобы так беззащитно и грубо выкалывать лапу на чужую землю, на чужую волю, на чужой труд, как это пытаются делать иностранные «претенденты-пользователи».

История Суэцкого канала терзается в глубине веков. Канал лежит на земле, исконно принадлежащей египетскому народу. Целесообразность создания его была ясна передовым людям уже столетия тому назад. Канал построили египетские феодалы, построили вручную, без механизмов, без техники — горы песка были перенесены на человеческих руках, орошенные потом и кровью.

О каких же претензиях со стороны иностранных компаний может идти речь? Какие посягательства на канал со стороны других государств могут быть признаны законными?

Здесь нет справедливых претензий! Все посягательства должны быть отвергнуты! Раздаются голоса о якобы нарушенной свободе плавания по Суэцкому каналу. А разве сегодня есть ограничение этой свободы?

Даже сейчас, когда иностранные лоцманы, по требованию своих зарубежных хо-

те гатейную отрасль промышленности, это новое массовое искусство, действительно, становится все более удачным и сияющим своим стандартом. Борьба художника за себя, чтоб воплотить на экранах нечто ценное, — значит бороться уже не с издателями, которых в стране сотни и у которых разные вкусы, — не поправляешь одному, есть надежда, что найдешь издателя по себе, — а бороться с безликим, всемогущим трестом с монополией, которая держит в подчинении сотни тысяч экранов и предпочитает быстрой обрабатывающейся, легкой воспринимаемой, на дешевку рассчитанное, неизбежно пошлое, всему тому, что выходит из обычного ряда, будит мысль и может оказаться беспристрастным. Об этой непреодолимой цензуре монополий хорошо сказал на конгрессе американский писатель Эльмер Райс. Но это еще не все проблема. Главное в том, что новый вид массового искусства требует от писателя коренной «перевытчки». Законы кино и особенно телевизора совершенно другие, чем те, по которым создается за своим письменным столом рассказ или роман. Без знания особых технических требований нельзя ничего написать для телевизора или радио.

А так как программы телевизионных и радиопередач по закону частной собственности не могут составляться в капиталистических странах из того, что уже идет в театрах и концертных залах, а должны состоять только из собственной, для этих передач сделанной литературной и музыкальной продукции, а для создания этой продукции нужны писатели и музыканты, то хозяева «теле» и «радио», монополии и тресты, буквально перекупают писателей и музыкантов у издательств и театров. Они платят им большие деньги. Часто лишь на эти деньги (а не на заработок от серьезной книги или музыкальных произведений) может жить подлинный художник. И... получается нечто, похожее на погонение мануфактурой кустарного промысла. Препятствует писателю, кустарю-одиночке, заменяется типом нового работника-профессионала, в своем роде винтика в бо-

гатейную отрасль промышленности, это новое массовое искусство, действительно, становится все более удачным и сияющим своим стандартом. Борьба художника за себя, чтоб воплотить на экранах нечто ценное, — значит бороться уже не с издателями, которых в стране сотни и у которых разные вкусы, — не поправляешь одному, есть надежда, что найдешь издателя по себе, — а бороться с безликим, всемогущим трестом с монополией, которая держит в подчинении сотни тысяч экранов и предпочитает быстрой обрабатывающейся, легкой воспринимаемой, на дешевку рассчитанное, неизбежно пошлое, всему тому, что выходит из обычного ряда, будит мысль и может оказаться беспристрастным. Об этой непреодолимой цензуре монополий хорошо сказал на конгрессе американский писатель Эльмер Райс. Но это еще не все проблема. Главное в том, что новый вид массового искусства требует от писателя коренной «перевытчки». Законы кино и особенно телевизора совершенно другие, чем те, по которым создается за своим письменным столом рассказ или роман. Без знания особых технических требований нельзя ничего написать для телевизора или радио.

А так как программы телевизионных и радиопередач по закону частной собственности не могут составляться в капиталистических странах из того, что уже идет в театрах и концертных залах, а должны состоять только из собственной, для этих передач сделанной литературной и музыкальной продукции, а для создания этой продукции нужны писатели и музыканты, то хозяева «теле» и «радио», монополии и тресты, буквально перекупают писателей и музыкантов у издательств и театров. Они платят им большие деньги. Часто лишь на эти деньги (а не на заработок от серьезной книги или музыкальных произведений) может жить подлинный художник. И... получается нечто, похожее на погонение мануфактурой кустарного промысла. Препятствует писателю, кустарю-одиночке, заменяется типом нового работника-профессионала, в своем роде винтика в бо-

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Лу Синь... При одном упоминании этого имени мысли мои невольно обращаются к событиям двадцатилетней давности и меня охватывает неодолимое волнение.

Худое, доброе лицо, опущенные веки, плотно сжатые губы под наполовину застеленной крышью гроба... Стоит на минуту закрыть глаза, и все это предстает перед моим мысленным взором. Проститься с ним каждый день приходили тысячи людей. Всюду были цветы, венки. Лу Синь словно спал на благоуханном ложе из цветов. Действительно, казалось, что он просто заснул. Если бы он проснулся, думалось мне. Но он не проснулся. Мы потеряли его навеки.

Всегда тяжело вспоминать о дорогом человеке, который ушел навсегда. Еще тяжелее сознавать, что Лу Синь не может быть вместе с нами свидетелем осуществления своей мечты. Он всю жизнь боролся за новый Китай. Бесконечно досадно, что солнце нового Китая еще не довелось увидеть. Думаю о Лу Синь, я всякий раз вспоминаю свои встречи с ним, вижу перед собой его добрую, исполненную дружелюбной улыбкой, предстательную, как он, похлывавая сигаретой, разговаривает со мной. Мне кажется, что он совсем близко, вот здесь, напротив меня, моего сердца касаются лучи его обаяния. Вот почему мысли о Лу Синь всегда служат для меня источником вдохновения.

Можно, пожалуй, сказать, что я не принадлежал к числу личных друзей Лу Синя, а был лишь его читателем и учеником. Подростком десяти с небольшим лет я уже зачитывался его рассказами, а потом не расставался с его произведениями во многих своих странствиях. Я несколько раз упускал представившуюся возможность встретиться с ним и увидел его впервые лишь в 1933 году на банкете, устроенном редакцией журнала «Литература». Помнится, в тот вечер я пришел раньше, чем он. В зале были Мао Дунь и еще двое-трое гостей. С Мао Дунем я прежде тоже никогда не встречался. Я знал, что не умею хорошо говорить, особенно, когда передо мной человек, которого я уважаю. Поэтому мне хотелось отложить время и уважаемого писателя. Однако, встретившись с Мао Дунем столь неожиданным образом лицом к лицу, я вдруг почувствовал себя с ним очень свободно и просто. Мы разговорились. В эту минуту канула висевшая перед входом портьера и вошел Лу Синь. Это был старый человек, так хорошо знакомый мне по многочисленным фотографиям, небольшого роста, худой, с очень черными густыми волосами и бровями, в простом длинном халате... Только выражение лица его было еще более мягким и сердечным, чем на портретах.

В тот вечер за столом было десять с лишним человек — все писатели. Разговор, естественно, вращался вокруг профессиональных тем. Говорили о нашей работе, произведениях, литераторах. Лу Синь говорил больше всех и смеялся больше всех. Его речь была очень простой, непринужденной. Он говорил короткими фразами, очень яркими и выразительными, то и дело улыбаясь своей теплой, мягкой улыбкой. Он говорил и о содержании только что созданного во время журнала «Литература», и о произведениях, которые собирались написать, о подпольной, которую играют литераторы-прихлебатели, о глупых и грязных методах гоминдановской пропаганды. Разумеется, в разговоре участвовал не только Лу Синь. Свои мнения по тем или иным вопросам высказывали и другие. Однако всем каждый раз хотелось услышать его точку зрения.

Банкет продолжался два часа. Только прощаясь с Лу Синем, я заметил, что время пролетело очень быстро. Лу Синь ушел вместе с Мао Дунем. Я смотрел им вслед, пока они не скрылись из глаз, и только тогда пошел к дому. Все порогу я неустойчиво думал о том, каким привлекательным и простым каким доступным оказался этот человек. С того дня я встречался с ним довольно часто. Журнал «Литература» во время постоянно подвергался притеснениям со стороны реакционного гоминдановского правительства, и нам несколько раз приходилось встречаться в гостиных специально для того, чтобы обсудить меры противодействия. Когда требовалось обсудить какой-либо вопрос, мы обычно отправлялись в одну из больших гостиных, брали номер, заказывали вино и закуски. Говорить за столом было удобней и безопасней. Случалось, засижива-

пался тем, что его окружает. Стремится ли он в своем творчестве... напасть на общеприимно принять его, — это полностью личное дело писателя. Но он не может сознательно обойти его, ибо, если он сделает так, он начнет монотонно повторять полученное из вторых рук и следовательно — второсортное, а это — художественная смерть. Нечто вроде смерти живо, какую мы наблюдаем в английской драме за последние 20 лет. Что держит свое восприятие живым, писатель, — такую бы особенную и личную форму он и избрал, — обязан быть «включенным» (в общественную жизнь) человеком. Такова первая и абсолютная необходимость для него». Но сказав эти великодушные слова, Вильсон закончил свою речь тремя предпринятыми для писателя в том, как и чем могут они погубить свою работу. И все три предпринятые исходили из неверного понимания массы, как «черни»: масса хочет, чтоб ее учили, — писатель погибнет, начав учить тому, чего сам не знает; масса хочет, чтоб ее вели, чтоб мыслила за нее, но чтоб были при этом на ее уровне, — писатель погибнет, став приспособленным к ней. Масса хочет облегченного, хочет смеяться, — писатель, угождая ей, станет клоуном. Самая страшная опасность для писателя, это «популярное клончество».

О выступлении американского писателя Эльмера Райса (чья пьеса «Мечтательная девушка» шла в те дни в Ливерпульском театре) я уже коротко сказала. Поднятый им на конгрессе вопрос о цензуре, видимо, ударил по большому месту и был многими похвачен. Как раз в те дни английские газеты с огорчением писали, что один из лучших английских фильмов «Смайли» (действительность — престальный фильм, снятый в Австралии, с талантливым мальчиком в заглавной роли) был запрещен в Америке

пался тем, что его окружает. Стремится ли он в своем творчестве... напасть на общеприимно принять его, — это полностью личное дело писателя. Но он не может сознательно обойти его, ибо, если он сделает так, он начнет монотонно повторять полученное из вторых рук и следовательно — второсортное, а это — художественная смерть. Нечто вроде смерти живо, какую мы наблюдаем в английской драме за последние 20 лет. Что держит свое восприятие живым, писатель, — такую бы особенную и личную форму он и избрал, — обязан быть «включенным» (в общественную жизнь) человеком. Такова первая и абсолютная необходимость для него». Но сказав эти великодушные слова, Вильсон закончил свою речь тремя предпринятыми для писателя в том, как и чем могут они погубить свою работу. И все три предпринятые исходили из неверного понимания массы, как «черни»: масса хочет, чтоб ее учили, — писатель погибнет, начав учить тому, чего сам не знает; масса хочет, чтоб ее вели, чтоб мыслила за нее, но чтоб были при этом на ее уровне, — писатель погибнет, став приспособленным к ней. Масса хочет облегченного, хочет смеяться, — писатель, угождая ей, станет клоуном. Самая страшная опасность для писателя, это «популярное клончество».

О выступлении американского писателя Эльмера Райса (чья пьеса «Мечтательная девушка» шла в те дни в Ливерпульском театре) я уже коротко сказала. Поднятый им на конгрессе вопрос о цензуре, видимо, ударил по большому месту и был многими похвачен. Как раз в те дни английские газеты с огорчением писали, что один из лучших английских фильмов «Смайли» (действительность — престальный фильм, снятый в Австралии, с талантливым мальчиком в заглавной роли) был запрещен в Америке

ЛУ СИНЬ

БА ЦИНЬ, КИТАЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

люди таким образом довольно долго и расхворались по домам после 11 вечера. В 1934 году, в начале октября, перед отъездом в Японию, друзья по редакции журнала «Литература» устроили мне про-



вопросы. Для этой цели в ресторане «Нанкин» был заказан кабинет. Пришел и Лу Синь. Помню, в тот вечер он был в очень хорошем настроении, говорил о Японии, о тамошних нравах и обычаях, рассказывал несколько смешных историй о китайских студентах в Японии, попадавших выростом из-за плохого знания языка. После ужина мы продолжили беседовать. Лу Синь сообщил об аресте нескольких его знакомых и сказал, что некоторые из них даже лишены возможности передавать ему свои письма. Было видно, что он очень озабочен. Когда он говорил о деятельности гоминдановской охранки, глаза его сверкали гневом.

На следующий год осенью, после моего возвращения из Японии, мне снова довелось увидеться с Лу Синем. Он казался слегка похужевшим, но по-прежнему выглядел очень бодрым. Писатель был тогда очень озабочен тем, что издательство «Ваньхуа Шанью Чубаньшо» (это было совсем молодое издательство, где я исполнял обязанности главного редактора) подготовило к изданию «Сборник переводов» и переведенную Лу Синем первую часть «Мертвых душ» Гоголя. Он в то время только что закончил работу над этим переводом и собирался заняться изданием «Ста иллюстраций к «Мертвым душам» художника А. Агина. Я спросил Лу Синя, правда ли, что он намеревается написать роман о старом китайском обществе и старой интеллигенции, и скоро ли он приступит к этой работе. Он поднял голову, затянулся сигаретой, немного подумал и, улыбаясь, ответил: «Задуманного очень много, все довести до конца никак не удается». И действительно, в тот период он собирался написать еще «Историю китайской литературы», перевести «Жизнь насомных» Жана Фабра. Я тогда как раз думал заняться подготовкой к печати первой серии «Литературной библиотечки» и попросил его составить из своих произведений сборник для издательства. Лу Синь согласился. Через несколько дней он сообщил мне название сборника и его содержание. Он уведомил меня, что к написанию трех-четырех вещей из тех, которые должны были войти в сборник, еще не приступил и что пришлет мне их сразу, как только напишет. Это был его последний сборник беллетристики «Старые легенды в новой редакции».

Сразу после того, как он закончил рассказ «За заставой» его здоровье снова ухудшилось. Я предполагал, что он не сможет составить этот сборник в короткий срок. Однако, когда издательство объявило о своем намерении в скором времени выпустить 16 книжек 1-й серии «Литературной библиотечки», Лу Синь забеспокоился. В течение месяца он сумел целиком написать несколько вещей, закончить составление сборника и приложить его мне. Спустила еще несколько месяцев, во время одной из встреч я снова обратился к Лу Синю с просьбой дать что-нибудь для издательства и выразил

люди таким образом довольно долго и расхворались по домам после 11 вечера. В 1934 году, в начале октября, перед отъездом в Японию, друзья по редакции журнала «Литература» устроили мне про-

вопросы. Для этой цели в ресторане «Нанкин» был заказан кабинет. Пришел и Лу Синь. Помню, в тот вечер он был в очень хорошем настроении, говорил о Японии, о тамошних нравах и обычаях, рассказывал несколько смешных историй о китайских студентах в Японии, попадавших выростом из-за плохого знания языка. После ужина мы продолжили беседовать. Лу Синь сообщил об аресте нескольких его знакомых и сказал, что некоторые из них даже лишены возможности передавать ему свои письма. Было видно, что он очень озабочен. Когда он говорил о деятельности гоминдановской охранки, глаза его сверкали гневом.

На следующий год осенью, после моего возвращения из Японии, мне снова довелось увидеться с Лу Синем. Он казался слегка похужевшим, но по-прежнему выглядел очень бодрым. Писатель был тогда очень озабочен тем, что издательство «Ваньхуа Шанью Чубаньшо» (это было совсем молодое издательство, где я исполнял обязанности главного редактора) подготовило к изданию «Сборник переводов» и переведенную Лу Синем первую часть «Мертвых душ» Гоголя. Он в то время только что закончил работу над этим переводом и собирался заняться изданием «Ста иллюстраций к «Мертвым душам» художника А. Агина. Я спросил Лу Синя, правда ли, что он намеревается написать роман о старом китайском обществе и старой интеллигенции, и скоро ли он приступит к этой работе. Он поднял голову, затянулся сигаретой, немного подумал и, улыбаясь, ответил: «Задуманного очень много, все довести до конца никак не удается». И действительно, в тот период он собирался написать еще «Историю китайской литературы», перевести «Жизнь насомных» Жана Фабра. Я тогда как раз думал заняться подготовкой к печати первой серии «Литературной библиотечки» и попросил его составить из своих произведений сборник для издательства. Лу Синь согласился. Через несколько дней он сообщил мне название сборника и его содержание. Он уведомил меня, что к написанию трех-четырех вещей из тех, которые должны были войти в сборник, еще не приступил и что пришлет мне их сразу, как только напишет. Это был его последний сборник беллетристики «Старые легенды в новой редакции».

Сразу после того, как он закончил рассказ «За заставой» его здоровье снова ухудшилось. Я предполагал, что он не сможет составить этот сборник в короткий срок. Однако, когда издательство объявило о своем намерении в скором времени выпустить 16 книжек 1-й серии «Литературной библиотечки», Лу Синь забеспокоился. В течение месяца он сумел целиком написать несколько вещей, закончить составление сборника и приложить его мне. Спустила еще несколько месяцев, во время одной из встреч я снова обратился к Лу Синю с просьбой дать что-нибудь для издательства и выразил

пожелание, чтобы среди книжек 4-й серии «Литературной библиотечки» был и сборник его произведений. Он охотно дал свое согласие. Через некоторое время Лу Синь поручил писателю Хуан Юаню передать мне, что сборник будет называться «Ночные записки». Вскоре он заболел. А когда поправился, написал подряд несколько вещей. Говорят, что он был настолько поглощен составлением «Ночных записок», что отложил в сторону несколько других недописанных им вещей. Болезнь и внезапная смерть прервали его работу. Во второй половине дня 17 октября он чувствовал себя еще достаточно хорошо, чтобы навестить одного из своих друзей. А утром 19 октября его уже не стало. «Ночные записки» — один из томов 4-й серии «Литературной библиотечки» был отредактирован и подготовлен к печати его женой Суй Гуан-пин уже после смерти писателя.

Я рассказывал здесь не обо всех моих встречах и беседах с Лу Синем. Их было больше. Однако, поскольку я не вел записей, я не имею возможности рассказать о них здесь с достаточной полнотой. Немало интересного о его словах и поступках я слышал от его друзей-писателей. Лу Синь всегда был принципиальным и тверд с врагами. Даже в разговоре с хорошо знакомым человеком, поучуствовал в его словах фальшь, он мог оборвать его, повернуться и уйти. Но к друзьям, к молодежи Лу Синь относился всегда с исключительным радушием и сердечностью, был по отношению к ним заботлив до наивности. Он отдавал молодежи массу времени, которое он мог бы с успехом использовать для написания, скажем, своего романа или «Истории китайской литературы». Лу Синь постоянно заботился о молодых авторах, оказывал им различные услуги: читал и правил рукописи, давал читать свои, устраивал рукописи в издательства и т. д. Было, даже печатал произведения молодых писателей на собственный счет. На его деньги вышли в свет такие, например, вещи, как «Деревья в августе», «Место жизни и смерти» из сборника «Рабы». К этим книгам он написал предисловия, в которых рекомендует их читателю. «Железный поток» Серафимовича, переведенный Цао Цинь-хуа, также был впервые отпечатан на средства Лу Синя. Лу Синь сам сверял перевод и занимался его распространением после выхода в свет. Издание этого романа он считал очень серьезным делом.

Лу Синь помогал немалому числу лиц и предприятий. Он оказывал бескорыстную поддержку ряду культурных начинаний, таких, например, как Общество всемирного языка (эсперанто) в Шанхае. Без его помощи не смогло бы развиваться и окрепнуть такое издательство, как «Ваньхуа Шанью Чубаньшо». Лу Синь отдал этому издательству несколько своих сочинений и переводов, помогая в расходах на издание «Ста иллюстраций к «Мертвым душам». Эти деньги «Ваньхуа Шанью Чубаньшо» должно было вернуть после распродажи всех отпечатанных экземпляров. Причем он согласился принять их только тогда, когда убедился, что издательство не испытывает материальных затруднений. Следует отметить, что он ни в какой степени не был связан с «Ваньхуа Шанью Чубаньшо» и помогал ему просто потому, что считал это издательство «хорошим» делом. Он всегда испытывал большую радость, когда появлялась возможность издать хотя бы одной полезной книгой больше, не жалел сил для реализации этой возможности. Для него всегда было характерно горячее стремление помогать людям, отдавать все свои силы любому «хорошему» делу.

Встречаясь с Лу Синем, я всякий раз чувствовал его искреннее и теплое отношение к людям, серьезное, исполненное чувства ответственности отношение к своей работе. Он никогда не читал людям проповедей, не становился перед ними в менторскую позу. Он лишь постоянно заботился о них, хотел помочь им, сделать их лучше. Беседуя с ним, вы не только чувствовали, что рядом с вами бьется человеколюбивое сердце, — вы ощущали обаяние его яркой личности, вас словно пронизывали лучи его светящихся мудростью глаз.

Его нельзя было не уважать, нельзя было не любить. Были счастливы от сознания того, что он — ваш друг и товарищ. Вы готовы были сделать все, чтобы стать лучше и тем доставить радость ему... Вот таким человеком, писателем был Лу Синь.

АНГЛИЙСКИЕ ПИСЬМА

На конгрессе Пенклуба

2. Четыре насыщенных дня с 10 по 13 июля, длилась работа конгресса. Десятки ораторов сменяли друг друга на трибуне. И почти каждая речь — о чем бы она ни была, об истории, о критике, о технике нового стиха, о переводе, — острем своим всегда касалась главной темы: отношения писателя к публике. Новым для нас был самый подход к этой теме. Только однажды, — и об этом поспе, — с потрясающей силой показал оратор (и это был индеец), что ведь самый акт рождения искусства происходит от двойного процесса: от его создания и от его восприятия народом. Огромное большинство выступивших смотрели на этот «акт восприятия» (второе рождение книги, песни, картины), как на акт невольной и неизбежного приспособления творца к массе, где, как в смертельном для искусства парадоксе, решают дело две противоположные вещи: чем больше покупателей (книг, билетов, картин и т. д.), тем прочней материальная возможность творить искусство; но чем шире круг этих покупателей, тем больше грамотных, чем сильнее растет в народных массах потребность в искусстве, — тем якобы ниже и ниже опускаются его стандарты, тем упрощенней, легковесней, фальшивей становится само искусство. И было странно и тяжело слушать, как бьется, словно бабочка под стеклом, речь подчас умного и талантливого, честного и пытливого писателя под стеклянным колпаком такого искусственного представления о творце и «публике». Ответы на главный вопрос конгресса, «как добиться контакта с современной аудиторией и что она собой представляет», давались самые разные. «Читатель и сейчас остается та-

М. начало в «Литературной газете», № 111 и № 113.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар 30 (для телеграмм жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы литературы народов СССР — Б 8-59-17). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69 внутренней информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.